

ЕВРИПИД

ФИНИКИЯНКИ¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ИОКАСТА²

Стремящийся вперёд сквозь толпы звёзд небесных,
летающий в золотой, чеканной колеснице,³
взметающий⁴ огонь проворными конями,
о, Гелиос благой! Какое горе Фивам
твой луч наколдовал, когда из Финикии, 5
страны береговой, в наш город Кадм⁵ явился!
Гармонию⁶ он взял, дитя Киприды,⁷ в жёны.
Родился Полидор,⁸ а от него, по слухам,⁹
сын Лабдак¹⁰ был рождён, затем родивший Лая.¹¹
А я известна всем, как дочь Менекёя,¹² 10
и мать у нас одна с властительным Креонтом.¹³
Отец меня назвал красиво, Иокастой.
Лай мужем был моим. Хотя мы жили в браке
немало долгих лет, семья была бездетной.
Муж к Фебу¹⁴ приходил и умолял оракул 15
обогатить наш брак детьми мужского пола.
Тот пел: «Правитель Фив, прославленных конями,¹⁵

¹ Трагедия «Финикиянки» была создана около 408 года до н.э. и впервые поставлена, скорее всего, в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus III. Oxford: Clarendon Press, 1994. 71-179. При переводе были использованы комментарии Пирсона (*Euripides. The Phoenissae*. Edited by A.C. Pearson. Cambridge: Cambridge University Press, 1909), Пауэлла (*The Phoenissae of Euripides*. Edited with Introduction and Commentary by John U. Powell. New York: Arno Press, 1979) и Мастронарда (*Euripides. Phoenissae*. Edited with Introduction and Commentary by Donald J. Mastronarde. Cambridge: Cambridge University Press, 1994). Хоровые партии переведены по метрическим схемам Мастронарда. Перевод сверен с подстрочной английской версией Ковача: *Euripides. Phoenician Women*. Edited and Translated by David Kovacs. Vol. V. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. 201-397.

² Иокаста (Ἰοκάστη) – царица Фив, мать Эдипа.

³ Подлинность первых двух строк обычно подвергается сомнению на основании как сохранившихся рукописных данных, так и неловкого нагромождения причастий.

⁴ Дословно – «εἰλίσσω», т.е. «вращающий». Читатель может поставить этот вариант в перевод.

⁵ Кадм (Κάδμος) – мифологический герой, основатель знаменитого города Фивы в Беотии.

⁶ Гармония (Ἀρμονία) – богиня согласия, олицетворение счастливого брака. По одной легенде, дочь «противоположных» богов Ареса и Афродиты. Мастронард (с. 143): «[Гармония] – персонаж без хорошо известных мифологических данных или атрибутов, кроме своих отношений с Кадмом <...>. Как персонификация гражданского согласия и единства, она хорошо соответствует Кадму, основателю города».

⁷ Киприда (Κύπρις) – прозвище богини любви Афродиты, рождённой из морской раковины вблизи острова Кипр.

⁸ Полидор (Πολύδωρος) был младшим сыном Кадма и Гармонии.

⁹ «По слухам» («λέγουσιν», досл. «говорят») – странно, что царица Иокаста ссылается на слухи, как будто она сама не знает генеалогии своей же семьи.

¹⁰ Лабдак (Λάβδακος) – царь Фив, сын Полидора и Никтеиды, дед Эдипа.

¹¹ Лай (Λάϊος) – царь Фив, сын Лабдака, муж Иокасты, отец Эдипа.

¹² Менекей (Μενεκεύς) – отец Креонта и Иокасты. Желая смягчить гнев богов, поразивший Фивы из-за нечестивого брака Эдипа, бросился с городской стены.

¹³ Креонт (Κρέων) – фиванский царь. Эта строка считается подложной.

¹⁴ Т.е. в Дельфы.

не засевай бразду наперекор бессмертным!
Тобой рождённый сын тебя же уничтожит,
и будет весь твой дом затоплен алой кровью!» 20
Но муж, не совладав с разгульным настроением,
увлёк меня в постель. Когда родился мальчик,
одумался мой муж, и, помня слово божье,
дал сына пастухам, чтоб на равнине Геры,¹⁶
среди Киферонских скал¹⁷ те бросили младенца, 25
железные штыри вонзив ему в лодыжки,
так эллинский народ прозвал его Эдипом.¹⁸
Мой мальчик бы погиб, но пастухи Полиба¹⁹
нашли его в тот день и отнесли царице.
Она к своим сосцам плод мук моих прижала, 30
супруга убедив, что родила младенца.²⁰
Когда сын возмужал и стал рыжебородым,
то, что-то сам поняв, а, может, и услышав,
отправился искать родителей желанных
в священный Фебов храм.²¹ Туда и Лай поехал, 35
мой муж, решив узнать о брошенном ребёнке,
живой ли он ещё. И оба повстречались,
где надвое идёт фокидская²² дорога.²³
На сына моего возница Лая крикнул:
«Чужак, посторонись! Тиранам²⁴ дай проехать!» 40
А тот надменно шёл, и бешеные кони
копытами ему лодыжки раскровили.²⁵
К чему перебирать подробности несчастья?
Отца зарезал сын, а эту колесницу

¹⁵ В древности Фивы славились своими лошадьми и колесницами.

¹⁶ Какое место имеется в виду, точно не известно. Гэра (Ἦρα) – верховная богиня, сестра и жена Зевса. Возможно, на этой равнине стоял её храм.

¹⁷ Киферон (Κίθαίρων) – первый царь платейцев, по имени которого назван горный хребет в Греции. Помог Зевсу помириться с Герой, которая после ссоры удалась в Эвбею. Зевс по совету Киферона стал везти на паре быков некую статую, называя её своей невестой. Гера сразу явилась, сорвала одежду со статуи и обнаружила дерево. После этого она помирилась с мужем.

¹⁸ Эдип (Οἰδίπους) – фиванский царь, сын Лая и Иокасты. По неведенью убил своего отца и женился на своей матери. Имя Эдипа можно перевести как «Пухлоногий», т.е. с распухшими (от ран) ногами (от глагола οἰδάω – распухать и т.п.). Эта и предыдущая строка иногда считаются более поздними вставками.

¹⁹ Полиб (Πόλυβος) – царь Коринфа. У него не было наследников, поэтому он усыновил Эдипа.

²⁰ По поводу того, что именно там произошло, ведутся споры. Вопрос в том, был ли у жены Полибия свой ребёнок или нет. Есть три варианта: (1) эта царская семья была бездетной, и царица, стремясь оправдать ожидания мужа, солгала ему, сказав, что у неё родился сын; в таком случае, ребёнку нужна была кормилица, а царевна лишь притворялась, что кормит его грудью; (2) у них был свой сын, но он умер, и царица заменила его тайком от мужа; и (3) была девочка, которую заменили на мальчика, способного унаследовать трон. Как бы там ни было, но царь получил искалеченного ребёнка в качестве собственного сына.

²¹ Т.е. в Дельфы.

²² Фокида (Φωκίς) – область в Центральной Греции.

²³ Пирсон (с. 78): «“Распутье” или “Тройной Путь” <...> расположен примерно в пяти милях [8.05 км – В.Н.] на юго-запад от Давлиды, в месте, где встречаются три пути, ведущие из Давлиды, из Дельфы и из Фив. <...> Эдип, идущий из Дельфы, встречает Лая, едущего из Фив. Здесь, очевидно, <...> оба направляются в сторону Дельфы, и Лай обгоняет Эдипа».

²⁴ Множественное число (так в оригинале) подчёркивает социальную значимость Лая.

²⁵ Мастронард (с. 155): «Конкретная рана, здесь упомянутая, должна напоминать, я думаю, о более ранней травме, нанесённой Лаем Эдипу».

Полибу подарил. Когда душила город 45
 чудовищная Сфинкс,²⁶ а муж лежал в могиле,
 Креонт, мой брат, велел провозгласить народу,
 что тот, кто разберёт загадку мудрой девы,
 супругом станет мне. И как-то ухитрился
 Эдип, мой сын, понять, что Сфинкс ему пропела,²⁷ 50
 поэтому и стал тираном в государстве,²⁸
 и принял царский жезл, и овладел землёю,
 и собственную мать взял в жёны, горемычный!
 А как мне было знать, что вышла я за сына?
 Ему я родила двух мальчиков здоровых, 55
 зовут их Этеокл и Полинík отважный,²⁹
 и девочек: одну отец назвал Исменой,
 другую нарекла сама я Антигоной.³⁰
 Узнав, что он посмел на матери жениться,
 Эдип, уже мишень всех мыслимых несчастий, 60
 кровавому подверг свои глаза убийству,
 жестоко в них вонзив застёжки золотые.³¹
 Чуть щёки сыновей от пуха потемнели,
 те заперли отца, чтоб все его забыли,
 хоть этого достичь им было и непросто. 65
 Живёт он во дворце. Судьбиной злой измучен,
 он предал сыновей гнуснейшему проклятью,
 делить заставив дом оружием железным!
 Боясь, что гнев отца всеслышащее небо
 поддержит, если трон они займут совместно, 70
 они решили так: пусть Полинík, брат младший,
 уедет из страны, чтоб Этеоклу править
 весь год, потом же брат тираном год побудет,
 и так всё и пойдёт. Но старший брат бесстыдно
 всё царство захватил и, не сойдя с престола, 75
 в изгнанье через год отправил Полинíка!
 Тот в Аргос убежал, с Адрастом³² породнился

²⁶ Сфинкс (ή Σφίγξ, досл. «Душительница») – чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка. Вопреки распространённой ошибке, Сфинкс – это существо женского рода. Пирсон (с. 79): «Каждый день, пока её загадка оставалась неразгаданной, Сфинкс хватала и пожирала одного человека [a victim]». Имя «Сфинкс» трудно переводить, потому что оно вызывает в сознании подавляющего числа читателей представление о существе мужского пола. В «Финикиянках», однако, неоднократно подчёркивается то, что Сфинкс является девой.

²⁷ По одной из версий, загадка была стихотворной и пелась. Текст был такой: «Скажи мне, кто ходит утром на четырёх ногах, днём — на двух, а вечером — на трёх? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырёх ногах, тогда меньше у него сил и медленнее двигается он, чем в другое время.» Ответ Эдипа был такой: «Это человек. В младенческом возрасте он ползает, в расцвете сил ходит на двух ногах, а в старости — опирается на трость».

²⁸ Эта строка и следующая (либо вместе, либо по отдельности) объявляются иногда подложными на основании их тавтологичности.

²⁹ Эпитет здесь получает лишь Полинík, поэтому считается, что таким образом Иокаста выказывает своё предпочтение одному из сыновей.

³⁰ Обычно отец давал имена всем детям. То, что в данном случае Эдип разрешил это сделать Иокасте, может говорить о хороших отношениях в семье и о взаимном уважении между супругами.

³¹ Это так называемые «фибулы» (латинское слово) – застёжки для одежды, напоминающие большие булавки.

и войско аргивян привёл под наши стены!³³
 Он требует, в кольцо взяв город семивратный,
 и скипетра отца, и половины царства! 80
 Стремясь унять вражду, я сына убедила
 устроить краткий мир перед началом битвы.
 Глашатай говорит, что Полиник здесь будет!
 О, Зевс! Роскошный свет в лазурных недрах неба!
 Спаси нас, господин! Дай детям примиренье! 85
 Ты светел и велик, и ты ведь не позволишь
 так долго истязать одну и ту же душу!³⁴

СЛУГА³⁵

Дочь славного царя, благая Антигона!
 Тебя пустила мать, поддавшись уговорам,
 на самый верх дворца из девичьей подняться, 90
 чтоб войско аргивян ты лучше разглядела,
 но всё равно постой! Мне нужно путь разведать,
 не ходит ли вдоль стен досужий горожанин,³⁶
 а то и я, как раб, нарвусь на оскорбленья,
 и ты, как госпожа! Я всё прекрасно знаю 95
 и внятно расскажу про мой поход к аргивцам.
 Я брату твоему носил слова о мире
 и вот, пришёл домой с такими же словами.
 Всё тихо! И никто у дома не толчётся!
 Вставай же на ступень из кедра векового! 100
 Оглядывай поля! Какая толща вражья
 у Дирки³⁷ голубой, над струями Исмена!³⁸

АНТИГОНА³⁹

Тянись же, тянись увядшей рукой
 к руке молодой!
 Мне с лестницы, друг, сойти помоги! 105
 Да, девушка! Держись! Пришла ты в час хороший!
 Задвигалось вниз нашествие пеласгов⁴⁰

Сл.

³² Адраст (Ἄδραστος) – царь пелопонесского города Аргоса, одного из сильнейших городов Древней Греции. На его дочери Аргии (Ἀργεία) женился изгнанный Полиник. Имя «Адраст» можно перевести как «Неучаствующий» или «Непричастный». Адраст пошёл в поход на Фивы против своей воли.

³³ Более точный перевод: «Аргивские щиты привёл под наши стены» («πολλὴν ἀθροίσας ἀσπίδ' Ἀργείων ἄγε»).
³⁴ Из текста непонятно, имеет ли Иокаста в виду кого-нибудь конкретно, например, саму себя или своего мужа, Эдипа.

³⁵ Иокаста ушла со сцены. Теперь появляется Слуга в сопровождении Антигоны.
³⁶ В Древней Греции считалось неприличным, чтобы незамужняя девушка ходила по всему дому, а тем более появлялась на людях. Особенно это касалось аристократии.

³⁷ Дирка (Δίρκη) – речка, приток Исмена.
³⁸ Исмён (Ἰσμήνως) – небольшая река в Беотии, протекающая через Фивы.
³⁹ Начинается сцена осмотра вражеских войск, подлинность которой вызывает сомнение у целого ряда исследователей. Согласно указанию анонимного византийского (?) комментатора, Антигона и Слуга поднимаются по лестнице к верхним покоям дворца. Слуга уже взобрался, Антигона следует за ним. На протяжении всей сцены Антигона, вероятно, поёт свои реплики (весьма разнообразные с точки зрения размера), Слуга же говорит неизменно ямбическим триметром.

	и хочет разойтись на мелкие отряды!	
Ан.	Латонина дочь! ⁴¹ Геката моя! ⁴² Как звонкая медь на поле горит!	110
Сл.	Наш Полинík сюда не просто так явился! С ним конные войска, бряцанье тысяч копий!	
Ан.	Крепкí ли врата на медных замках? Надёжно ли круг заносчивых стен скрепил Амфиóн? ⁴³	115
Сл.	Не бойся! Камень твёрд и город безопасен! Вон первый из бойцов! Ты знать о нём желаешь? ⁴⁴	
Ан.	Да! Кто там стоит? И гребень так бел! Приказ он кричит могучим бойцам, легко подхватив изогнутый щит, закованный в медь!	120
Сл.	Царевна, то лохáг! ⁴⁵ Ан. А кто он и откуда? Старик, скажи скорей! Как имя чужеземца? ⁴⁶	
Сл.	В Микенах, говорят, на свет он появился. Живёт у лернских ⁴⁷ вод. Зовут Гиппомедонтом. ⁴⁸	125
Ан.	А! А! Кичливый боец! И страшный такой! Он словно гигант, исчадьё Земли! ⁴⁹ Лицо как звезда! Не смертная кровь! Он будто сюда с картины сошёл!	130
Сл.	Ты только посмотри! Вон Дирку переходит ещё один лохaг! Ан. В доспехах очень странных! ⁵⁰ Кто это? Сл. Царь Тидей ⁵¹ , рождённый от Энея! ⁵² А грудь его гремит Арёсом этолийским! ⁵³	

⁴⁰ Пеласги (Πελασγοί) – древнейшие обитатели территории, на которой впоследствии располагалась Древняя Греция. Здесь пеласгами называются аргосцы.

⁴¹ Лёто, иногда Летó или Латона (Λητώ) – титанида, возлюбленная Зевса, мать близнецов Аполлона и Артемиды.

⁴² Гекáта (Εκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного. Ковач (с. 221): «Первоначально отдельная фигура, Геката в пятом веке [до н. э. – В.Н.] сливается с Артемидой. Здесь воззвание к ней предполагает стремление предотвратить катастрофу». Артемида (Ἄρτεμις) – девственная, вечно юная богиня охоты, плодородия, женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле.

⁴³ Эти три строки (реплика Антигоны) сложны для перевода, потому что текст испорчен. Их смысл воссоздаётся приблизительно. Амфион (Ἀμφίων, «Вездесущий») – царь Фив, сын Зевса и Антиопы.

⁴⁴ Эта строка считается подложной.

⁴⁵ Лохáг (λοχαγός) – командир армейского подразделения.

⁴⁶ Эта строка и предыдущая считаются подложными.

⁴⁷ Имеется в виду легендарное Лернское (или Лернейское) озеро, в котором жила Гидра, убитая Гераклом. Это озеро действительно существовало. Оно находилось близ восточного побережья Пелопоннеса, к югу от Аргоса, и представляло собой пресноводное береговое озеро, отделённое от Эгейского моря песчаными дюнами. В раннем бронзовом веке диаметр озера составлял 4,7 км. Впоследствии, из-за исчезновения лесов, озеро превратилось в малярийное болото, остатки которого высохли в XIX веке.

⁴⁸ Гиппомедонт (Ἱππομέδων, досл. «Властитель лошадей») – древнегреческий герой, один из семерых вождей, напавших на Фивы. Известно, что он был высок ростом.

⁴⁹ Гиганты (Γίγαντες) – великаны, сыновья Геи (Земли), бросившие вызов олимпийским богам.

⁵⁰ Эта строка считается подложной.

⁵¹ Тидей (Τυδεΐς) – сын Энея и его второй жены, Перибей. Один из предводителей похода на Фивы.

⁵² Эне́й (или Ойне́й) (Οἰνεΐς) – царь Калидона, города в Южной Этолии. Не путать с Энеем, троянским героем и впоследствии основателем Рима.

⁵³ Другими словами, в груди Тидея живёт боевой дух (которого Еврипид персонифицирует как бога войны Ареса) этолийцев. Этолия (Αιτωλία) – область Средней Греции.

Ан.	Старик, ведь ему позволил войти в семью Полиник, отдав за него супруги сестру? Доспехи чуждых стран! И сам он полуварвар!	135
Сл.	Такие вот щиты у этолийцев, дочка, владельцев копьем с огромнейшим искусством.	140
Ан.	Откуда ты, старик, об этом столько знаешь?	
Сл.	Те знаки на щитах уже я видел раньше, ⁵⁴ для брата твоего неся посланье мира. Взглянув на эту рать, я их узнал мгновенно! ⁵⁵	
Ан.	А кто же там идет, у Зетовой гробницы? ⁵⁶ Он сильно кудряв и взглядом блестит, боец молодой! Лохаг? Ещё один? За ним толпа в доспехах, с оружием в руках!	145
Сл.	А то Парфенопей, ⁵⁷ рожденный Аталантой! ⁵⁸	150
Ан.	Да, мать его бежит по чащам с Артемидой, так пусть в него стрелу теперь вонзит богиня, ведь он спустился с гор мой город уничтожить!	
Сл.	Конечно же, дитя! Но с ними справедливость, и боги, я боюсь, к ним будут благосклонны!	155
Ан.	Где брат мой родной? Он матерью был на муки рожден!	
Сл.	Старик мой дорогой! Где Полиник? Скажи мне! Где непробудно спят семь дочерей Ниобы. ⁵⁹ Он у гробницы встал, беседуя с Адрастом. Теперь ты видишь? Ан. Да! Нечётко. Вижу, впрочем, и грудь, и силуэт! Узнать его нетрудно! ⁶⁰ Как облаком стать, тугим, вихревым? Как ринуться вниз, и вспенить лазурь, и, бедный мой брат, любимейший брат, на шею тебе упасть, наконец, изгнанник родной? Как он красив, старик, в доспехах золочёных! Он солнечным огнём весь блещет и пылает!	160 165

⁵⁴ Пирсон (с. 86): «В более позднее время рядовые гоплиты [тяжеловооружённые пешие воины – В.Н.] выделялись тем, что носили на своих щитах начальные буквы названий своих государств (*например, Λ* вместо *Λακεδαιμόνιοι* [лакедемонцы, т.е. спартанцы – В.Н.]»).

⁵⁵ Эта строка и три предыдущие считаются более поздними вставками.

⁵⁶ Зет или Зеф (Ζήθος) – сын Зевса и Антиопы, построивший вместе со своим братом Амфионом город Фивы. В противоположность своему брату, Зет изображается простым, грубым пастухом и охотником.

⁵⁷ Парфенопей (Παρθένοπαιός) – герой из Аркадии, был очень красив собой. Один из семерых вождей фиванского похода.

⁵⁸ Аталанта (Αταλάντη, «Непоколебимая») – героиня древнегреческой мифологии, мужественная охотница.

⁵⁹ Ниоба или Ниобей (Νιόβη) – жена фиванского царя Амфиона. Была близкой подругой титаниды Лето. Возгордилась своими детьми (у неё было семь сыновей и семь дочерей) и похвалялась ими перед Лето, у которой было лишь двое детей, Аполлон и Артемида. Раздражённая высокомерием Ниобы, Лето обратилась к своим детям, и те поубивали стрелами всех детей обидчицы. Артемида умертвила дочерей Ниобы в её собственном доме, а сыновей, охотившихся на склонах Киферона (горы на границе между Аттикой и Беотией), убил Аполлон. От горя Ниоба обратилась в плачущий камень.

⁶⁰ Мастронард (с. 196), выражаясь не очень ясным языком, кажется, предполагает, что в облике Полиника было что-то, выделявшее его среди других воинов.

Ст.	Вернётся он домой, тебя наполнит счастьем, у нас ведь мир теперь! Ан. Старик, а кто там едет умело и легко на белой колеснице? ⁶¹	170
Сл.	А это, госпожа, Амфиарай, гадатель. ⁶² С ним жертвы, ручейки для почвы кроволюбой. ⁶³	
Ан.	Ах, Гелия дочь! Отец твой велик, и пояс его пылает огнём! Селена! Кольцо лучей золотых! ⁶⁴ Как статно герой поводит бодцом, ⁶⁵ равняя коней!	175
	А где же Капаней, ⁶⁶ глумившийся ужасно над нашей страной? Сл. Он возле башен ходит и с неба до земли их взглядом измеряет. ⁶⁷	180
Ан.	Ах вот как! Услышь мои слова, богиня Немесида! ⁶⁸ Зарокочи, Зевес! Блесни жестоким светом! Смири, укороти разнузданность пришельца! ⁶⁹ Тот воин хотел тяжёлым копьём фиванок пленить и в рабство отдать, микенкам ⁷⁰ отвезти, лернейскому трезубцу! ⁷¹ Хотел он их согнать к потоку Амимоны, ⁷² который Посейдон когда-то пробуравил! ⁷³	185

⁶¹ «Белая колесница» – в оригинале «ἄρμα λευκόν». Распространено мнение, что здесь имеется в виду колесница, запряжённая белыми конями (а не сама окрашенная в белый цвет). Анненский: «запряжка белая». Лукач, впрочем, переводит «white chariot». В переводе решено было сохранить двусмысленность оригинала. Впрочем, Антигона смотрит с довольно большого расстояния, и цвет прекрасных белых коней вполне мог, так сказать, переливаться и на саму колесницу.

⁶² Амфиарай (Ἀμφιάραος) – царь Аргоса, вместе с Адрастом. Благодаря своему дару провидца знал, что поход против Фив окажется роковым почти для всех его участников, и не хотел идти, однако уступил настояниям своей жены, Эрифилы, надевавшейся на богатую добычу.

⁶³ Это трудная строка, вызвавшая много критики. Дословно она читается так: «σφάγια δ' ἄμ' αὐτῷ, γῆς φιλαίματοι ροαί», т.е. «и жертвенные животные рядом с ним, для земли кроволюбой ручьи». Комментаторы не сходятся во мнении относительно того, ведутся ли животные живыми, чтобы потом напоить землю ручейками своей крови, или же их везут уже мёртвыми, а ручейки крови стекают на землю. Более вероятен первый вариант. В переводе сделана попытка сохранить эту известную строку в её оригинальном виде, не пытаясь навязать ей какое-либо одно значение.

⁶⁴ Эта строка и предыдущая плохо сохранились, поэтому точный их смысл неясен.

⁶⁵ Бодец – остроконечная палка, которой подгоняли лошадей.

⁶⁶ Капаней (Καπανεύς) – воин из Аргоса, один из вождей фиванского похода. Во время приступа изрёк нечестивую клятву, что возьмёт город, даже если бы боги того не хотели, за что Зевс убил его молнией.

⁶⁷ Т.е. определяет на глаз размеры башен, выбирая тактику для приступа. В этом тоже проявляется воинственный характер Капанея, который готовится к битве во время переговоров о мире.

⁶⁸ Немесида или Немезида (Νέμεσις) – крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

⁶⁹ В оригинале – обращение на «ты», поэтому не вполне ясно, обращается ли Антигона к Немесиде и Зевсу или же к одной Немесиде. В переводе сохранена эта особенность оригинала.

⁷⁰ Микены (Μικῆναι) – древний город в Арголиде, один из центров греческой цивилизации. Здесь микенками называются женщины Аргоса.

⁷¹ Лерна – местность в классической Греции, известная своими родниками и бывшим озером близ восточного побережья Пелопоннеса, к югу от Аргоса. Лернейским трезубцем здесь метафорически называется источник, созданный Посейдоном.

⁷² Пауэлл (с. 155): «Амимона, одна из Данаид, отправилась за водой в Аргос, во время засухи. Посейдон, чтобы угодить ей, ударил трезубцем о землю, и оттуда забил источник, впоследствии названный её [Амимоны – В.Н.] именем». Амимона (Ἀμιμόνη) – одна из дочерей аргосского царя Даная (у него их было пятьдесят, они обычно зовутся Данаидами).

Владычица моя, богиня Артемида! 190
 Дочь Зевса! Госпожа с кудрями золотыми!
 Не дай мне никогда познать оковы рабства!
 Сл. Дитя, ступай домой, в дворцовые покои!
 Будь в комнате своей. Теперь ты любопытство
 сумела утолить и всё тут посмотрела. 195
 На улицах, смотри, переполох поднялся,
 вон женщины толпой идут к воротам царским!
 Суть женщин такова, что любит порицанья,
 скандалы и раздор по крохотным причинам,
 чтоб укрупнять вину! Для женщин упоенье 200
 друг дружку поливать позорными словами!⁷⁴

ХОР⁷⁵

Тирский порт я покинула
 лучшим даром для Локсия⁷⁶
 с финикийского острова,⁷⁷
 чтобы Фебу прислуживать,⁷⁸ 205
 где под снежными высями
 у Парнаса⁷⁹ он здравствует.
 Плыли мы вдоль Ионии,
 а Зефир галопировал⁸⁰
 над бесплодной, растянутой 210
 сицилийской пучиной,
 навевая прекрасную,
 поднебесную музыку.

⁷³ Эта строка и три предыдущие плохо сохранились, поэтому их смысл не вполне ясен. Перевод следует интерпретации Мастронарда (с. 203).

⁷⁴ Слуга боится, что горожанки увидят Антигону и начнут сплетничать, подозревая её во всех грехах. Женщинам, особенно незамужним, в Древней Греции не полагалось находиться вне дома без серьёзной причины и без сопровождения. Нахождение девушки одной, на городской стене, в обществе старого слуги, действительно, выглядело необычно и подозрительно. То, что Антигона быстро исчезает, не произнеся ни слова, может указывать на то, что она разделяет опасения старика.

⁷⁵ Мастронард (с. 208): «Хор состоит из финикийских девушек, посланных тирскими Агеноридами для того, чтобы стать *иеродулами* [храмовыми рабынями – В.Н.] в Дельфах». Агенориды – дети и вообще потомки тирского царя Агенора (Αγηνωρ), сына Посейдона. Агенор основал стовратные Фивы, после чего удалился в Финикию, в один из её крупнейших и красивейших городов под названием Тир. Город находился на территории современного Ливана. Пирсон (с. 91): «Хор тирских девушек прибыл в Фивы, одну из стадий своей поездки в Дельфы, ожидая, чтобы хорошо к ним расположенный Этеокл, а также их родственники-кадмейцы отправили их дальше в дорогу». Пунктуация первой строфы вызывает споры, и географические подробности морской поездки девушек не до конца выяснены. Мастронард достаточно подробно рассматривает этот вопрос на сс. 209-10. Хор говорит о самом себе в единственном числе.

⁷⁶ Локсий (Λοξίας), т.е. «Извилистый», «Запутанный (в своих вещаниях)» – культовое имя Аполлона.

⁷⁷ Пирсон (с. 91): «Тир был островом, соединённым с материком при помощи мола, который построил Александр [Македонский – В.Н.]. Там было две гавани».

⁷⁸ Чтобы стать храмовой служанкой (δοῦλα μελάθρων). Лукач (сс. 232-3): «Хор называет себя рабынями Локсия (Аполлона), wybranными среди народа за свою красоту. Вероятно, нам следует думать о них не как о рабынях, захваченных на войне, но как о свободных женщинах, служащих Аполлону какой-то установленный срок в благодарность Аполлону за некую милость, оказанную им Тиру».

⁷⁹ Парнас (Παρνασσός) – священная гора.

⁸⁰ Зефир (Ζέφυρος, «Западный») – ветер, по мнению древних, господствовавший в восточной части Средиземного моря. Здесь бог представлен либо скачущим на коне (ориг. «Ζεφύρου πνοαῖς ἰππεύσαντος»), либо просто стремительно проносящимся по воздуху. В переводе выбрано первое толкование как более полно передающее образность глагола «ἰππεύω».

Я отправлена городом
 в дар прекраснейший Локсию, 215
 в Кадмов город приехала,
 всем народом отправлена.
 Башням Лая мы родственны,
 славный род Агеноровый.⁸¹
 В украшеньях, как статуя, 220
 буду Фебу прислуживать,⁸²
 ключ Кастальский зовёт меня
 вымыть пышные волосы,⁸³
 украшение девушек,
 и служить в храме Фебовом. 225

О, скала!⁸⁴ Ярким пламенем
 с двух вершин озаряешь ты
 пляски бога Диониса!⁸⁵
 О, лоза! Как ты полнишься
 гроздью сочной, увесистой 230
 из цветка ежедневного!⁸⁶
 Дом дракона божественный!⁸⁷
 Выси гор богоявные!⁸⁸
 Склон священный, заснеженный!⁸⁹
 Полететь к хороводам бы, 235
 славя бога бессмертного,⁹⁰
 в центр земли,⁹¹ к долам⁹² Фебовым,
 бросив Дирку журчащую!⁹³

⁸¹ Немного странно называть башни родственницами людей, но так в оригинале. Ср. перевод Ковача, который пытается обойти проблему при помощи абстрактного слова «akin»: «towers that are akin || to the glorious Agenoridae». Вероятно, слово «башни» (τῦροι) употребляется метафорически. Пирсон (с. 93): «Феникс, одноимённый предок финикийцев, и Кадм были сыновьями Агенора».

⁸² Ещё одно странное сопоставление, живой служанки со статуей. Возможно, статуи «служат» Фебу тем, что выражают собой религиозные чувства тех, кто их посвятил. Подобным образом, каменный солдат «охраняет» какой-либо памятник. Пирсон (с. 93): «Она сравнивает себя с золотыми приношениями (ἀναθήματα), посвящёнными в храме».

⁸³ Пирсон (с. 93): «Храмовые служители омывались в Кастальском источнике перед началом дневной службы богу».

⁸⁴ Скала (πέτρα) – здесь так называется гора Парнас. Можно заменить это слово на более привычное «гора».

⁸⁵ Ковач (с. 235): «Две вершины Парнаса, которые вздымаются над Дельфами, были сценой плясок в честь Диониса».

⁸⁶ Пирсон (с. 94): «На территории [святилища] Диониса находилась лоза, на которой каждый день появлялась и созревала гроздь винограда, достойного того, чтобы им совершались возлияния богу».

⁸⁷ Ковач (с. 235): «Корикийская пещера, жилище дракона Пифона [Πύθων – В.Н.], которого убил Аполлон». Эта пещера существует до сих пор.

⁸⁸ В оригинале – «οὐρεαὶ τε σκολιαὶ θεῶν», т.е. «и горные выси богов». Ковач переводит «богинь» («and mountain lookout of the goddesses»), считая, что имеются в виду нимфы, жившие в Корикийской пещере после гибели Пифона (с. 235). Мастронард (с. 221) высказывает мнение, что под «горными высями» имеется в виду то место, откуда Аполлон стрелял в Пифона, и добавляет: «Я не считаю, что с точки зрения поэзии стоит ограничивать <понятие> «θεῶν» [«богов» – В.Н.] корикийскими нимфами». Перевод следует точке зрения Мастронарда, тем более что сам текст не даёт оснований для исключения Аполлона.

⁸⁹ Гора Парнас.

⁹⁰ Аполлона, бога Солнца.

⁹¹ Т.е. в Дельфы, где находился так называемый Пуп Земли, недалеко от храма Аполлона.

⁹² Словом «долы» здесь переводится слово «γύαλα», которое означает также «выгнутая поверхность, углубление, впадина, ущелье, долина» и т.п. Мастронард (с. 223): «Дельфы расположены в углублении Парнаса, и, таким образом, это слово стало общим поэтическим обозначением храма Аполлона. Оно не даёт никаких оснований для более поздней фантазии о том, что была пещера или расселина в самом храме».

А теперь под стенами
 встал Арés неистовый, 240
 крови, бойни жажда!
 Да спасётся город ваш!
 У друзей боль общая!
 Крепость семивратная
 делится страданием 245
 с Финикией! Боже мой!
 Кровь одна, одни потомки
 у Ио прекраснорогой!⁹⁴
 Вместе с ними я страдаю!

Город в плотном облаке 250
 из щитов сверкающих,
 образ бойни яростной!⁹⁵
 Даст Арés неистовый
 сыновьям Эдиповым
 зло Эриний⁹⁶ выстрадать! 255
 Аргос пеласгический!⁹⁷
 Мощь твоя чудовищна!
 Как меня пугают боги!
 Но напал не незаконно
 молодой боец на город! 260

ПОЛИНИК

Засовы сторожей легко меня впустили,
 я запросто вошёл в кольцо родимых стен.
 Признаюсь, я боюсь. Поймав добычу в сети,
 дадут ли ей уйти, не выпустив ей кровь?
 Быть надо начеку, во всё впиваться взглядом, 265
 туда-сюда смотреть, предчувствовать подвох!
 Вот этот крепкий меч, в моей руке зажатый –
 залог того, что я в бою не уstraшусь!

⁹³ В оригинале вся эта строфа-эпод состоит из одного предложения. Нахождение эпода посередине, т.е. между двумя парами строф-антистроф необычно, потому что эпод традиционно является заключительной строфой хоровой партии. На этом основании делались выводы о непринадлежности второй строфы и антистрофы Еврипиду. Мастронард (с. 223) считает все доводы неубедительными, а содержание текста и его язык/ритм – «необходимым» и «полностью еврипидовским».

⁹⁴ Ковач (с. 237): «Ио, дочь речного бога Инаха, стала объектом любви Зевса, который превратил её в телицу, чтобы скрыть от своей жены Геры. Она [Ио – В.Н.] стала матерью Эпафа, предка и тирцев, и аргиев. Она связана не только с Фивами, но и с греческим народом в целом».

⁹⁵ Эта строка сохранилась в двух вариантах (по разным рукописям): «σχημα φοινίου μάχης» («образ кровавой битвы») и «σσημα φοινίου μάχης» («знак [надвигающейся] кровавой битвы»). Предпочтения комментаторов здесь разделяются. Например, Ковач и Диггл выбирают второй вариант, Мастронард же, Пирсон и Пауэлл – первый. Пирсон (с. 95) называет слово «σχημα» «совершенно еврипидовским» («thoroughly Euripidean»), «обозначающим чувственное изображение объекта», и предостерегает против его замены. Для Пауэлла превосходство слова «σχημα» настолько очевидно, что он даже не снабжает это место комментарием. Мне тоже кажется, что «σχημα» объёмнее, интереснее, чем бледноватое «σσημα». Однако для тех, кто думает иначе, предлагаются следующие варианты перевода: «знак сраженья лютого» (замените «её» на «его» в следующей строке) или «признак битвы яростной».

⁹⁶ Эринии (Ερινύες) – богини мести.

⁹⁷ Пеласги (Πελασγοί) – народ, населявший территорию Греции в древнейшие времена.

	Эй, кто там! Что за шум? Чего я испугался? Всё жутким предстаёт, когда своей ногой ступают смельчаки по вражеским пределам.	270
	Я матери моей, которая меня зовёт на мирный суд, и верю, и не верю. Защита, впрочем, есть (божественный алтарь совсем недалеко ⁹⁸) и в доме не безлюдно. ⁹⁹	275
Хор	Я в складки черноты ¹⁰⁰ вложу пока свой меч и женщин расспрошу, стоящих у порога. Иноплеменницы! ¹⁰¹ Скажите, из какой вы прибыли страны к владениям Эллады? Я финикиянка. ¹⁰² Там город мой и дом. Я Фебу вручена семейством Агенора, как наилучший дар за воинский успех. Когда нас отправлял известный сын Эдипов к священным алтарям, где Локсий речь ведёт, аргивцы вдруг пошли на город ваш войною.	280 285
Пол.	Ты тоже назовись. Зачем явился ты к фиванским областям, к твердыне семиустной? ¹⁰³ Отец мой – царь Эдип, сын Лая. Мать моя – дочь Менекеева, царица Иокаста. В пределах славных Фив мне имя – Полиник.	290
Хор	Ты родственник благих потомков Агенора, властителей моих, отправивших меня! ¹⁰⁴ Мой царь! Я стою на коленях, ¹⁰⁵ как принято в нашей отчизне! Ты в дом возвратился отцовский! Царица! Беги же, царица! ¹⁰⁶	295

⁹⁸ В Древней Греции человек, которому грозила опасность, мог припасть к алтарю и, таким образом, оказаться под защитой божества. Убийство или ранение просителя, пока тот находился у алтаря, считалось тяжким преступлением. Однако это не всегда помогало. Один из самых знаменитых примеров нарушения этого обычая – убийство троянского царя Приама сыном Ахилла, Нептолемом, когда царь прибегнул к защите алтаря Зевса. Мастронард (с. 228): «Это упоминание [алтаря – В.Н.], возможно, подразумевает то, что сценический алтарь (вероятно, находившийся либо перед дверью, либо сбоку от неё) был стандартным объектом декорации дворца, даже в тех пьесах, в которых он не используется для убежища или жертвоприношения».

⁹⁹ Мастронард (с. 228): Теперь, наконец, Пол[иник] замечает женщин-участниц хора. Они, конечно, никоим образом не были скрыты от него раньше, однако, согласно условности, воображалось, будто он движется и говорит в таком пространстве, где он ещё не видит их, а они не слышат его (они слышат его только после того, как он обращается к ним)».

¹⁰⁰ Т.е. в ножны. Один из примеров еврипидовского маньеризма. В оригинале – «ἐς σκοτεινὰς περιβολὰς».

¹⁰¹ Мастронард (с. 228): «Пол[иник] не приводит никакой причины своего предположения, что эти женщины – не гречанки. Из этого мы можем заключить, что костюмы хористок выглядели экзотично и что предположение Пол[иника], таким образом, казалось аудитории совершенно естественным».

¹⁰² Полиник, по всей вероятности, разговаривает с корифеем, предводителем Хора. Этим объясняется то, что Хор говорит о себе в единственном числе.

¹⁰³ В оригинале – «ἐλτάστομον πύργωμα». Означает то же самое, что и «семивратной». В переводе Анненского: «семивратный град».

¹⁰⁴ Эта строка и предыдущая в некоторых изданиях помечены как подложные.

¹⁰⁵ Вероятно, предыдущие две строки произносит Корифей, а с этой строки начинает петь весь Хор (Мастронард, с. 232).

¹⁰⁶ Хор зовёт Иокасту, вставая (как считает Ковач) с колен. Пауэлл (с. 164) считает, что слово «бегом» («πρόδρομος») «недостаточно уважительно при обращении к царице». В некоторых рукописях сохранился

	Врата распахни поскорее! Мать юноши! Разве не слышишь? Что медлишь? Зачем не выходишь, родное дитя не обнимешь?	300
Иок.	Ах, финикийские вы гости! ¹⁰⁷ Я вас услышала и вышла из дома дряхлою стопою! Сыночек милый! Сколько вёсен прошло с тех пор, как мы видались! Быстрее! Обними же маму! Прижмись к моей груди, родимый! Дай локоны твои потрогать, погладить щёки! Мне на шею пролей свой волос темноцветный! ¹⁰⁸	305
	Как долго ты у мамы не был! Я так устала ждать и верить! Что мне сказать? Как этим телом, руками, криками, словами, волной танцующих движений туда-сюда и влево-вправо дать выход блещущему счастью? ¹⁰⁹	310
	Ах, сыночка мой драгоценный! Ты дом отцовский обезлюдил, безумьем брата был ты изгнан! Твои друзья истосковались, фиванский град измучен горем! Я седину свою остригла, отяжелив её слезами!	315
	Хожу, сынок, не в белом платье, ¹¹⁰ но чёрный, скорбный плащ надела, сухую немощь прикрывая!	320
		325

вариант «*πρόδομος*», т.е. иди «к передней части дома» или, в более вольном переводе, «к дверям». Этот вариант и предпочитают многие комментаторы. Ещё один аргумент, который они приводят – Иокаста стара и бегать уже не может, о чём она сама вскоре скажет (собираясь, впрочем, плясать от радости). Эти доводы не представляются мне достаточно убедительными. Во-первых, юные финикийки, только что прибывшие в Фивы, не обязательно знают о точном возрасте и состоянии коленных суставов Иокасты. Во-вторых, повстречав на улице царевича, юные девушки могут совершенно позабыть об этикете и, спеша сообщить царице эту потрясающую новость, крикнуть ей, чтобы она скорей бежала сюда, будто она – их подруга. И, в-третьих, Хор уже просил её выйти «из-под крова», теперь приглашает встать «у дверей», а потом ещё попросит «распахнуть ворота». В этом есть некая избыточность, тогда как «бегом» передаёт чувство драмы, возбуждения. Впрочем, вот вариант для тех, кто всё-таки предпочитает «*πρόδομος*»: «Госпожа! Сюда, госпожа!» (Хор стоит у дверей дворца).

¹⁰⁷ Первые три строки речи Иокасты плохо сохранились, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

¹⁰⁸ Эта строфа написана манерным, избыточным языком, нередко встречающимся у Еврипида. Мастронард (с. 239) считает, что слово «темноцветный» («*κτανόχρως*») – авторское изобретение. Ср. не вполне точный, но красивый перевод Анненского: «Обними, Полинник, ты кормилицу-грудь || И, щекою к лицу прижимаясь, || Темнокудрой волною волос || Шею матери нежно обвей.»

¹⁰⁹ Пирсон (с. 100) говорит об этом образе старой Иокасты, танцующей вокруг сына, что «странность [этого образа – В.Н.], ощущаемая нами, показывает, насколько далеко наше эстетическое чувство отстоит от [эстетического чувства – В.Н.] греков, для которых танец являлся прекрасным выражением эмоциональных переживаний».

¹¹⁰ Эта строка иногда помечается как подложная.

	я к недругам пришёл, но всякого гнетёт по родине тоска. Кто скажет нам иначе, тот просто любит спор, но думает, как я.	360
	Сжмается душа, я весь дрожу при мысли, ¹¹⁸ что хитростью своей меня погубит брат, поэтому с мечом по городу брожу я и головой верчу. Поддержка мне одна – наш мирный договор и данная мне клятва, ¹¹⁹	365
	поэтому я здесь, в кольце отцовых стен. В слезах смотрю на дом, на алтари бессмертных... гимнасий, где я рос... и Дирка вон течёт... Коварно их лишён, я гасну на чужбине, горячие ручьи туманят мне глаза.	370
	Но боль сменяет боль, когда тебя встречаю остригшей волны кос, надевшей чёрный плащ! Как тягостно в душе нести такое горе и как ужасно, мать, к родным питать вражду! Решенья не найти семейному раздору! ¹²⁰	375
	Что делает внутри седой родитель мой, сверля глазами мрак? А две сестры-бедняжки? О брате дорогом, наверное, скорбят? ¹²¹	
Иок.	Нещадно некий бог семью Эдипа губит, и вот начало зла: ¹²² преступна я, как мать, отец твой, как мой муж, а ты, как плод нечестья! ¹²³	380
	Что делать! Все должны дела богов терпеть! Хочу тебя спросить. Боюсь я, что под сердцем почувствуешь ты боль, но жжёт меня вопрос!	
Пол.	Тогда и задавай. Не сдерживай ни слова.	385
	Твоё желанье, мать, приятственно и мне.	
Иок.	Сначала я спрошу о вещи самой главной. ¹²⁴ Без родины как жить? Большое это зло?	
Пол.	Чудовищное зло! Любых рассказов хуже!	
Иок.	И как же это так? Что изгнанных гнетёт?	390
Пол.	Одно сильнее всего – там нет свободы слова. ¹²⁵	

Εὐριπίδης; || οὐκ ἔνδον ἐστίν, εἰ γνῶμην ἔχεις», т.е. «Дома ли Еврипид? || И не дома, и дома, если ты понимаешь (мой намёк)».

¹¹⁸ Эта строчка, вероятно, повреждена. В оригинале: «οὐτω δ' ἐτάρβουν ἐς φόβον τ' ἀφικόμην», т.е. «но я так боюсь, и дошёл до такого ужаса». В переводе предпринята попытка несколько разбавить эту тавтологию.

¹¹⁹ Пирсон (с. 103): «Это не столько две вещи, сколько одна: его уверенность в матери заставила его принять уверения в личной безопасности».

¹²⁰ Проблематичная строка, возможно, не принадлежащая Еврипиду. Смысл восстанавливается по контексту.

¹²¹ Эта строка и три предыдущие могут быть поздней вставкой.

¹²² Эти незаконные дела были только началом божественного притеснения. Раздор между братьями, изгнание Полиника и начавшаяся война являются продолжением.

¹²³ Иокаста упоминает уже известные читателю преступления: Полиник был зачат и рождён вопреки воле Аполлона (правда, бог прямо не запрещал Лаю иметь детей, но лишь предупредил, что тот умрёт от руки своего сына – Лай пренебрёг предупреждением бога и этим нанёс ему оскорбление), Эдип же взял в супруги собственную мать.

¹²⁴ Эта строчка иногда объявляется подложной. Матронард (с. 258) убедительно возражает против этого. По его мнению, постепенный переход в стихомифию лучше, чем её внезапное начало.

Иок.	Таков удел раба – себя не выражать.	
Пол.	Ещё и потакать властям недалновидным.	
Иок.	Да, это тяжело – глупеть среди глупцов.	
Пол.	Чтоб не утратить благ, раба изображаешь.	395
Иок.	Изгнанник, говорят, надеждами живёт.	
Пол.	Глаза у них блестят, а ноги что-то медлят. ¹²⁶	
Иок.	Всё в жизни нам твердит о тщетности надежд!	
Пол.	В них Афродита есть, вот мы и любим горе. ¹²⁷	
Иок.	А как ты выживал до брака своего?	400
Пол.	Сегодня перебыюсь, а завтра голодаю.	
Иок.	А что, друзья отца ¹²⁸ тебе не помогли?	
Пол.	В достатке надо жить. Друзья бегут от нищих.	
Иок.	И знатностью своей ты не был вознесён?	
Пол.	Ад нищенства глубок, а знатность несъедобна.	405
Иок.	Да, родина для нас любимее всего!	
Пол.	Насколько ты права, не выразить словами!	
Иок.	Как в Аргос ты попал? Чего ты там хотел? ¹²⁹	
Пол.	Оракул как-то был от Локсия Адрасту.	
Иок.	Какой, сынок? О чём? Не знаю про него!	410
Пол.	Что дочери царя за льва и вепря выйдут. ¹³⁰	
Иок.	А как те звери, сын, относятся к тебе?	
Пол.	Не знаю. Некий дух ¹³¹ судьбу мою направил.	
Иок.	Божественность мудра. Как брак ты заключил?	
Пол.	Стемнело. Я вошёл во внешний двор ¹³² Адраста.	415
Иок.	Хотел заночевать со скопищем бродяг? ¹³³	
Пол.	Всё так. Ну а потом пришёл другой изгнанник.	
Иок.	Какой? Скорей всего, и он хлебнул беды!	

¹²⁵ Пирсон (с. 105): «Свобода слова была главной особенностью [жизни – В.Н.] афинского гражданина». Это был один из главнейших аргументов в спорах о преимуществе жизни греков по сравнению с обычаями варваров. Ясон прибегает к нему в споре с Медеей.

¹²⁶ Здесь надежды персонифицируются. Другими словами, надежды манят человека радужными мыслями, которые не торопятся реализоваться.

¹²⁷ Довольно трудная строка. Афродитой здесь называется неодолимое влечение к жизненным невзгодам, которое возникает в человеке, не желающем терять свои надежды. Надежды и невзгоды оказываются настолько переплетёнными друг с другом, что их уже невозможно разделить. Вот и получается, что любовь к надеждам автоматически переливается и на невзгоды. С другой стороны, человек боится завершения невзгод, чтобы вместе с ними не пропали и надежды.

¹²⁸ Т.е. семьи, с которыми у семьи Эдипа установились обязательства по взаимопомощи. В Древней Греции существовали целые сети таких семей, оказывающих друг другу поддержку.

¹²⁹ Следующие шесть строк в некоторых изданиях переставляются местами, потому что некоторые исследователи считают, что порядок их был нарушен. Не все с этим согласны (см. Мастронард, с. 264). В переводе сохранён оригинальный порядок строк.

¹³⁰ Мастронард (с. 265) пишет, что во всей пьесе «нет и намёка на то, какой герой соотносится с каким зверем». Адраст «признаёт уместность оракула из-за конфликта между Пол[иником] и Тидеем, а не из-за каких-либо эмблем, носимых ими».

¹³¹ В оригинале – «δαίμων». Можно перевести «некий бог» или «божество», но в следующей строке уже есть слово «бог», поэтому будет нежелательный повтор. Я оставляю решение за читателем. Здесь имеется в виду либо сам Аполлон, либо некий бог-покровитель судьбы, провидение (см. Мастронард, с. 266).

¹³² В оригинале – «λαρατάς», т.е. «внешний двор, портик» и т.п. Видимо, это двор у входа во дворец, окружённый крытой колоннадой. Очевидно, там проводили ночь бездомные, которых из милости не прогоняли. Далее будет видно, что для них даже оставляли циновки.

¹³³ Вероятно, обычай пускать бездомных на ночь существовал и в Фивах, поскольку Иокаста, никогда не бывавшая в Аргосе, сразу делает правильную догадку.

Пол.	Тидей, Энеев сын, как мне потом сказали.	
Иок.	А почему к зверям Адраст вас приравнял?	420
Пол.	Мы сильно подрались, не поделив циновку.	
Иок.	Тогда Талаев сын ¹³⁴ оракул и постиг?	
Пол.	Вполне. И дочерей назначил нам в супруги.	
Иок.	А со своей женой ты счастлив или нет?	
Пол.	До нынешнего дня мой брак был безупречным.	425
Иок.	Но как же ты войска сумел в поход увлечь?	
Пол.	Ты видишь ли, Адраст поклялся нам с Тидеем, своим зятьям двоим, Тидей ведь мне свояк, домой нас возвратить, и мне помочь сначала. Здесь многие вожди пришли со мной творить печальные дела, данайцы и микенцы, но я нуждаюсь в них, на родину напав. Бессмертными клянусь! Я поднял неохотно копье на милый дом, желающий войны! Тебе подчинена развязка этих бедствий!	430
	Ты, мама, помири своих же сыновей, ¹³⁵ спаси себя, меня и наш любимый город! Общеизвестна мысль, но я её скажу: ¹³⁶ лишь деньги этот мир считает высшим благом, они сильнее всего, что есть у нас, людей!	435
	За этим я пришёл с десятком тысяч копий! Без денег знатный муж не стоит ничего!	440
Хор	А вот и Этеокл идёт вести беседу! Что ж, Иокаста-мать! Работа за тобой! Поговори с детьми! Добейся примиренья!	445

ЭТЕОКЛ¹³⁷

Я здесь. Пришёл я, мать, по твоему желанью. Вам нужно говорить? Вы сами начинайте!¹³⁸ Я прекратил вдоль стен и у зубцов двукрылых выстраивать народ,¹³⁹ чтоб нам дела обдумать,

¹³⁴ Адраст был сыном Талая (Ταλαός), одного из аргонавтов.

¹³⁵ В некоторых изданиях эта строка объявляется подложной.

¹³⁶ Этот отрывок (отсюда и до конца речи Полиника, т.е. пять строк) некоторые комментаторы считают более поздней вставкой. Впрочем, завершение речи героя на некоторой обобщающей, даже морализаторской ноте весьма характерно для Еврипида.

¹³⁷ Мастронард (с. 273) считает, что Этеокл появляется в сопровождении двух слуг.

¹³⁸ Этеокл даже не здоровается со своим братом, показывая ему таким образом своё презрение. Начинается так называемый «агон», т.е. словесное состязание между персонажами, где каждому даётся возможность высказать свою точку зрения. В трагедиях Еврипида герои редко перебивают друг друга (за исключением финальной стадии агона, когда спор накаляется). Следует сказать, что цель агона – не разрешение конфликта, но раскрытие для слушателей основной проблемы трагедии, взгляд на проблему с разных точек зрения. Подобно современным американцам, древние греки получали огромное наслаждение от всяческих прений и разборчивости. Сохранившаяся трагедия отражает эту их национальную черту.

¹³⁹ Не вполне понятное место. Сохранившийся текст выглядит так: «ὅς ἀμφὶ τεῖχῃ καὶ ζυνοῦρίδας λόχων ἢ τάσσων ἐλέσχοι λόλιν», т.е. «вокруг стен и (их) парных разделов (?) [и Ковач, и Мастронард переводят таинственно – «paired divisions»] я приостановил расстановку граждан». Текст явно испорчен, поэтому смысл восстанавливается приблизительно. Этеокл расставляет боеспособных граждан на стенах, что передаёт обстановку тревожного ожидания, царящего в городе. Таинственные «парные разделы» – это, возможно, сдвоенные зубцы стен. Предлагались и другие толкования этого места, поэтому я не настаиваю

	притом устроил мир, пошёл тебе навстречу,	450
	ему вот разрешил проникнуть прямо в город!	
Иок.	Постой! Не говорит поспешно справедливость, а медленная речь к делам приводит мудрым. Смири свой гневный взор и злобное дыханье! Ты видишь пред собой не голову Горгоны, ¹⁴⁰	455
	отъятую мечом, но собственного брата! Ты тоже повернись, мой Полиник любимый, на брата посмотри! Соединя взгляды, не только говорить, но слушать будет проще! ¹⁴¹	
	Обоим вам совет хочу я дать разумный:	460
	когда на друга друг рассердится, а после с ним встретится опять, в глаза ему посмотрит, пристало размышлять лишь о причине встречи, а дрязги прошлых лет не помнить совершенно!	
	Ты, сын мой Полиник, начни беседу первым,	465
	ведь это ты привёл захватчиков-данайцев! Обидели тебя, как ты нам заявляешь. Пускай рассудит бог все ваши несогласья!	
Пол.	Бесхитроствы слова на языке у правды, не нужно ей пестрить узором ухищрений,	470
	вся ценность в ней самой. А речи лиходеев несут в себе болезнь и лечатся рассудком. Оставив дом отца, я проявил заботу о брате и себе, чтоб избежать проклятий, которые Эдип на нас призвал однажды.	475
	Я город покидал свободно, добровольно, дав этому царю бразды правленья на год, а после мой черёд настал бы воцариться, а не тягаться с ним, не приходить во гнев, терпеть и делать зло! А это и случилось! ¹⁴²	480
	Он согласился сам, богами даже клялся, но слова не сдержал и трон себе присвоил, и стал один царить, забрав чужую долю! Однако я готов принять моё наследство, отправить по домам скопившееся войско	485
	и, нашею страной такой же срок поправив, отдать её потом стоящему здесь мужу, не грабя милый дом, не осаждая башни, к ним лестницы влача, сколоченные крепко! Не получив своё, я ведь пойду на это!	490
	Пускай мне божества свидетелями станут!	

на такой интерпретации. Анненский обходит это трудное место стороной: «Там, у ворот, свои войска повзводно || Располагать я начал...»

¹⁴⁰ Горго́на Медуза (Γοργὼ Μέδουσα) – одна из трёх сестёр-горгон и единственная из них смертная. Чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращал человека в камень. Убита героем Персеем, который отсек ей голову мечом. Впрочем, даже после смерти взгляд Медузы сохранил своё ужасное свойство.

¹⁴¹ Здесь при постановке можно сделать красивый поворот масок друг к другу.

¹⁴² Эта строка и две предыдущие считаются подложными.

	Я правде послужу, не получая правды, отечества лишён преступнейшим обманом! Вот, мама! Я сказал, не мудрствуя лукаво, по делу, всё как есть! Легко уразумеет	495
Хор	и умник, и простак, за кем тут справедливость! Мне кажется, герой, хоть я и не в Элладе воспитана была, что говорил ты веско!	
Эт.	Когда бы все сошлись в понятии о благе и здравости ума, то не было бы споров.	500
	Мы все даём вещам похожие названья, но действия вещей по-разному мы видим. Я, мать, про всё скажу и ничего не скрою! Я к звёздам бы взлетел, в эфире восходящим, ¹⁴³ под землю бы сошёл, когда б хватило силы,	505
	чтоб Тиранию взять, главнейшую богиню! И благо это, мать, я ни за что не стану другому отдавать, но всё себе оставлю! Лишь мелкий человек удел сменяет больший на меньший. Сверх того, меня тошнит при мысли,	510
	что этот вот боец, придя с мечом нас грабить, добьётся своего! Грозит позор и Фивам, когда я пред копьём затрепещу микенским ¹⁴⁴ и вырону мой жезл, а тот его поднимет!	515
	Не надо было, мать, при помощи оружия согласия искать! Решить всё можно словом не хуже, чем копьём и гибельным железом! Что ж, если хочет жить он дома по-иному, пускай! Но не сойду я с трона добровольно! Неужто мне, царю, в рабы ему податься? ¹⁴⁵	520
	Нет-нет! Пылай, огонь! Мечи, долой из ножен! Узду на лошадей! На поле, колесницы! Вы знайте! Я свой трон так просто не оставлю! Когда нельзя дойти без подлости до власти, стань подлым, человек, а после честным снова! ¹⁴⁶	525
Хор	Не нужно петь хвалу делам неблагоприятным, и скверно это всё, и горестно для правды!	
Иок.	Ах, сын мой Этеокл! Не всем ущербна старость, есть опыт у неё, который по сравнению с незрелым языком умнее рассуждает!	530
	Зачем ты, сын, кадишь негоднейшей богине,	

¹⁴³ Эта строка дошла в испорченном виде, однако византийский писатель-компилятор V века Стобей сохранил её. Впрочем, строка до сих пор вызывает споры, и окончательный её текст так и не установлен. Вот альтернативный вариант: «Я к звёздам бы взлетел, к поднявшемуся (или: проснувшемуся) солнцу».

¹⁴⁴ Ковач (с. 263): «Микены служат фактическим синонимом Аргосу в греческой трагедии».

¹⁴⁵ Эта строка иногда удаляется как подложная. Действительно, она содержит сильное преувеличение. Этеоклу никак не грозит стать простым рабом. Мэстрокард (с. 296), впрочем, пишет, что «упрощённое противопоставление господства и рабства, без всякого компромисса, характерно для греческой политической мысли в пятом веке [до н.э. – В.Н.]». Этеокл возбуждён, он защищает свои права (как он их понимает), поэтому нет ничего необычного в том, что он в пылу спора преувеличивает. Более того, любое положение, после того как он побыл царём, может казаться ему рабством.

¹⁴⁶ Знаменитые строки. Их перевёл на латынь Цицерон и часто повторял Цезарь.

Тщеславности? Оставь! Она несправедлива,
 она несёт беду и городам, и семьям,
 войдёт в счастливый дом, а выйдет из развалин!
 Ты ею помрачён! Ты лучше Соразмерность,¹⁴⁷ 535
 родимый, почитай! Она друзей с друзьями,
 и со страной страну, и род с достойным родом
 связует! У людей что мерно, то законно,
 а меньшее, сынок, всегда враждует с большим
 и что ни божий день, то бойню начинает! 540
 Все вещи на земле слагает Соразмерность,
 определяя вес, число и расстоянье,
 неслепый глаз ночной¹⁴⁸ сменяет светоч солнца,¹⁴⁹
 скользя своим путём по циклу годовому,
 без тени нелюбви к тому, кто побеждает. 545
 Когда и день, и ночь так дружно служат людям,
 то как же можешь ты не поделиться с братом,
 не дать ему взойти? Где в этом правосудье?¹⁵⁰
 Зачем же так ценить счастливую неправду,¹⁵¹
 всем сердцем почитать оковы тирании, 550
 быть вечно на виду? Как это всё ничтожно!
 Ты хочешь трепетать, набив дворец деньгами?
 В чём «большой твой удел»?¹⁵² Название пустое!
 Разумный человек достаточным доволен!
 Лишь боги, а не мы, богатством обладают, 555
 а мы об их вещах заботимся до срока.
 Что надобно богам, они берут обратно,
 вся роскошь – только тень, и нет под ней опоры!¹⁵³
 Ну ладно! Выбирай одно из двух желаний!
 Что хочешь ты? Царить? Спасти любимый город? 560
 Ответишь, что царить? А вдруг ты проиграешь?
 А вдруг аргивский меч копьё кадмейцев сломит?
 Увидишь ты тогда свой город, Фивы, взятым,
 и женщин молодых, во множестве пленённых
 и уводимых прочь терпеть насилье вражье!¹⁵⁴ 565
 Ты Фивы разоришь украденным богатством,
 которое в тебе взрастило честолюбца!¹⁵⁵
 Вот речь моя тебе! Скажу и Полинику!

¹⁴⁷ В оригинале снова богиня-женщина – «Ἰσότητα». У Анненского средний род – «Равенство».

¹⁴⁸ В оригинале – «νυκτός τ' ἀφεγγές βλέφαρον». Многие ошибочно думают, что это луна. Еврипид, однако, имеет в виду «ночь с её темнотой, которая и сама не видит, и людям не помогает видеть» (Мастронард, с. 304). И Пирсон (с. 118), и Пауэлл (с. 175) высказывают то же самое мнение.

¹⁴⁹ Двойственность значения (кто кого сменяет) сохранена в этой строке намеренно, потому что ночь и день движутся по кругу, без начала и конца.

¹⁵⁰ Эта строка иногда считается подложной.

¹⁵¹ В оригинале яркий оксиморон (сочетание слов с противоположным значением) – «τὴν τυραννίδ', ἀδικίαν εὐδαίμονα», т.е. «тиранию, несправедливость счастливую».

¹⁵² Иокаста бросает обратно Этеоклу ранее сказанные им слова: «Лишь мелкий человек удел сменяет больший || на меньший.»

¹⁵³ Эта строка и три предыдущие считаются подложными.

¹⁵⁴ Эта строка и две предыдущие считаются подложными.

¹⁵⁵ Эта строка иногда объявляется подложной, без веских оснований. См. её защиту в комментариях Мастронарда (с. 314-5).

	Бездумную Адраст оказывает милость, и ты, не рассудив, явился город грабить!	570
	Допустим, не дай бог, ты занял эту землю, что за трофей, скажи, ты установишь Зевсу? ¹⁵⁶ Как жертву ты начнёшь, ¹⁵⁷ родной страны захватчик, и как ты посветишь дары у струй Ина́ха? ¹⁵⁸	
	«Фиванский град спалив, щиты приносит эти бессмертным Полиник»? Пусть никогда, сыночек, ты в эллинской земле не будешь так ославлен!	575
	А вдруг не победишь, и он вас одолеет, как в Аргос ты пойдёшь, оставив груды мёртвых? Там скажет злой язык: «Ты гиблые помолвки ¹⁵⁹	580
	нам навязал, Адраст! Из-за одной невесты пропали мы!» Сынок! Ты ловишь зло двойное, и там всё пропадёт, и здесь не совершится! ¹⁶⁰ Смирите вашу прыть, смирите! Два безумства встречаются всегда к беде наигорчайшей!	585
Хор	О, небо! Помоги! О, боги! Защитите! Эдиповым сынам пошлите примиренье!	
Эт. ¹⁶¹	Мать, закончим эти споры! Прекратим впустую тратить истекающее время! Ты усердствуешь напрасно! Мы согласия достигнем только на моих условиях:	590
	чтобы мне и жезл остался, и правленье государством, и уволь меня от этих затяжных увещаний! Ну а ты иди за стены – или всё, готовься к смерти! ¹⁶²	
Пол.	Кто такой неуязвимый? Пусть попробует, мне в тело меч убийственный вонзая, на железо не нарваться!	595
Эт.	Он-то здесь, неподалёку! Что ты мне на руки смотришь? ¹⁶³	
Пол.	Да, смотрю! Богатство подло и всегда за жизнь трясётся! ¹⁶⁴	
Эт.	Что ж ты вышел с целой ратью на ничтожнейшего труса?	

¹⁵⁶ Имеется в виду памятник в честь победы над врагом. Слово «трофей» происходит от древнегреческого слова «τροπή», т.е. «поворот, обращение врагов в бегство».

¹⁵⁷ В начале жертвоприношения либо сам царь, либо жрец обрызгивал жертвенное животное водой, посыпал его ячменём и срезал с головы животного немного шерсти. Всё остальное делали подчинённые.

¹⁵⁸ Т.е. в Аргосе. Мастронард (с. 317): «Благодарственные приношения совершаются в храмах местных богов, которые, как считается, помогают армии граждан, даже когда она сражается в чужих пределах». Ина́х (Ἰνάχος) – речной бог и сама река в Аргосе.

¹⁵⁹ Читатель помнит, что было две помолвки, а затем две свадьбы – Полиника и Тидея. Оба женились на дочерях Адраста.

¹⁶⁰ Т.е. в случае твоего поражения аргосцы станут тебе врагами, а если ты победишь, то навредишь собственной стране.

¹⁶¹ Размер переходит с ямбического trimetra (в переводе – с шестистопного ямба) на trocheicкий tetrameter. Еврипид пользуется этим размером для взволнованной, быстрой речи в девяти дошедших до нас трагедиях. Этот размер «был возрождён в последнее десятилетие творчества Евр[ипида], как один из его многих экспериментов по варьированию и обновлению формальных элементов трагедии» (Мастронард, с. 319).

¹⁶² Вероятно, лишь присутствие матери удерживает Этеокла от братоубийства.

¹⁶³ Полиник следит за руками Этеокла, чтобы тот не вынул внезапно меч. Обычно считается, что Этеокл в это время кладёт руку на рукоять меча.

¹⁶⁴ В древнегреческой литературе богатый человек часто не обладает мужеством. Любовь к тому, что у него есть, заставляет его трепетать за свою жизнь, потому что с утратой жизни он утратит и богатство (см. Мастронард, с. 322). Полиник считает, что Этеокл, став единоличным правителем государства, способен теперь на любую подлость, например, исподтишка вонзить в брата меч.

Пол. Осторожный полководец лучше, чем высокомерный!
 Эт. Пустомеля! Ты от смерти перемирьем не спасёшься! 600
 Пол. Как и ты! Я повторяю, что и жезла, и полцарства...
 Эт. Никогда ты не получишь! Только я хозяин в доме!
 Пол. Нахватался и доволен? Эт. Именно! Покинь мой город!
 Пол. Алтари богов отцовых... Эт. Ты же сам пришёл их грабить!
 Пол. ...слушайте! Эт. Кому ты нужен, ты, предатель и захватчик? 605
 Пол. Храмы братьев белокожных...¹⁶⁵ Эт. Ненавидящих твой голос!
 Пол. Вновь меня из дома гонят... Эт. Сам ты гнать меня решил!
 Пол. Боги, как несправедливо! Эт. Кличь богов! Своих, микенских!
 Пол. Нечестивец... Эт. Но не ставший, как и ты, врагом отчизны!
 Пол. ...ты меня в бездолье гонишь! Эт. И убью тебя вдобавок! 610
 Пол. Ах, отец! Мой плач ты слышишь? Эт. Слышит, что ты вытворяешь!
 Пол. Мать, а ты? Эт. На это имя ты навек утратил право!
 Пол. Город мой! Эт. Иди-ка в Аргос! Там взывай к воде лернейской!
 Пол. Ухожу, не беспокойся! Мать, спасибо! Эт. Вон отсюда!
 Пол. Я уйду, но лишь отца мне дай увидеть! Эт. Обойдётся! 615
 Пол. Ну тогда сестёр хотя бы! Эт. Ты на них вовек не взглянешь!
 Пол. Сёстры! Эт. Что ты к ним взываешь, им врагом смертельным ставший?
 Пол. Мама, ты хоть будь счастливой! Иок. Милый мой, куда уж больше!
 Пол. Сына ты навек лишилась! Иок. И совсем увязла в бедах!
 Пол. Как обижены мы страшно! Эт. Но и мне обид хватает! 620
 Пол. У какой ты встанешь башни?¹⁶⁶ Эт. А зачем ты знать желаешь?
 Пол. Я на бой смертельный выйду! Эт. Как я жажду этой встречи!
 Иок. Боже! Что вы там решили? Дети! Эт. Скоро ты увидишь!
 Иол. Здесь Эринии отцовы! Как спастись? Пол. Наш дом разрушив!¹⁶⁷
 Меч мой пущенною кровью не замедлит напиться! 625
 Но и край, меня вскормивший, и богов прошу запомнить,
 что меня отсюда гонят, обесчестив и унизив,
 словно раб я, а не так же, как и этот, сын Эдипа!
 Город! Если ты погибнешь, в том не я, а он повинен!
 Я пришёл не добровольно из невольного изгнания!¹⁶⁸ 630
 Что же, Феб, хранитель странствий!¹⁶⁹ Что же, дом родной! Прощайте!
 И друзья! И боги в храмах, ждущие овечьей крови!
 Я не знаю, суждено ли мне опять к вам обратиться,
 но не спит надежда в сердце,¹⁷⁰ что при помощи бессмертных

¹⁶⁵ Пирсон (с. 123): «Амфион и Зет, фиванские эквиваленты Диоскуров <...>. Белые кони обычно связаны с божествами или героями». Диоскуры (Διόσκωρος, Διόσκουρος или Διός κοῦρας, «отроки Зевса») – Кастор и Полидевк (Κάστωρ «бобр» и Πολυδεύκης «много сладости»), близнецы-герои, обожествлённые после смерти.

¹⁶⁶ Во время битвы.

¹⁶⁷ В некоторых рукописях это восклицание даётся Этеоклу, а Полинник уже продолжает со следующего предложения.

¹⁶⁸ В оригинале: «οὐχ ἐκὼν γὰρ ἦλθον, ἄκων δ' ἐξελαύνομαι χθονός». Вполне возможно, эта строка пострадала при переписке. Оригинал мог звучать так: «Я пришёл не добровольно, и я вынужден сражаться!» (см. Мастронард, с. 327). Думается, этот последний вариант может быть поставлен в текст как обоснованная реконструкция.

¹⁶⁹ Или «дорог хранитель». Аполлон Агийей (Ἀγυαῖος), т.е. «покровитель дорог». Пирсон (с. 124): Этот Аполлон «был представлен конической каменной колонной, которая стояла у двери дома <...>. Первоначальное значение этого имени неясно; некоторые считают, что оно было дано богу как защитнику своих паломников (votaries) во время их странствий и думают, что именно по этой причине изображение его помещалось у входа [в дом – В.Н.]».

¹⁷⁰ Эта половина строки заимствована из перевода Анненского.

Эт. со злодеем я покончу и взойду на трон фиванский! 635
Вон отсюда! Волей неба дал тебе отец наш имя
Полиника! Ты и вправду многократных ссор зачинщик!¹⁷¹

Хор¹⁷² Тирский Кадм пришёл сюда,
где телица без ярма
с четырёх копыт упала,¹⁷³ 640
выполняя прорицанье,
изречение божества,
что он дом поставит здесь,
у границы тучных нив,
где вода прекрасной Дирки 645
поит сочные растенья
и дородный мрак земли!
Здесь работал острый плуг,
здесь и Бромий был зачат
в золотых объятях Зевса,¹⁷⁴ 650
и немедля плющ кудрявый
осенил собой дитя,
чтобы сын счастливым рос
в томной роскоши травы,
где вакхическому богу 655
пляшут с криками экстаза
женщины и девы Фив!

Здесь дракон Арэсов жил,
кровожадный, злобный страж,
над обильными ручьями,
над сверкающей водою 660
множа взгляды зорких глаз.
Влаги жертвенной ища,¹⁷⁵
камнем Кадм его убил,
окровавив лоб дракона,
беспощадного убийцу, 665
зверобойною рукой!
Кадм по вспаханной земле
зубы зверя разбросал,

¹⁷¹ Имя «Полиник» означает дословно «многобренный» или «склонный ко многим вражде».

¹⁷² Текст половины первой строфы сильно повреждён, поэтому здесь могут быть отклонения от первоначального смысла.

¹⁷³ Ковач (с. 281): «Кадм, получив приказание своего отца, Агенора, найти свою сестру, Европу, похищенную Зевсом, отправился в Дельфы. Аполлон повелел ему следовать за телицей и основать город там, где животное возляжет».

¹⁷⁴ Ковач (с. 281): «Семела, забеременев от Зевса, родила Диониса, которого также называют Бромием». Семела (Σεμέλη) – четвёртая дочь Кадма и Гармонии, богини согласия. Дионис (Διόνυσος) – младший из олимпийцев, бог растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза. Бромий (Βρόμιος, Шумный) – эпитет Диониса.

¹⁷⁵ Кадм подошёл к ручью, чтобы зачерпнуть воды для жертвоприношения телицы. Мастронард (с. 340): «Характерно для трагической западни, в которой оказывается семья Лая, то, что преступление Кадма против Ареса и Земли проистекает из повиновения оракулу и проведения ритуала: Кадм собирается принести жертву в честь исполнения оракула».

выполнив приказ Паллады,
не из чресел материнских
вышедшей на этот свет!¹⁷⁶ 670
А земля произвела
рать отважнейших солдат,
смерть же их вернула в землю,¹⁷⁷
увела их прочь от солнца
и от жарких ветерков! 675

Ты послушай, царь Эпаф,
сын праматери Иó!
Я зову тебя, потомка
благодетельного Зевса,
этой варварской мольбой! 680
К нам явись, явись! Иó!¹⁷⁸
В дом семьи родной приди,¹⁷⁹
в край владычиц двухимённых,¹⁸⁰
Персефассы¹⁸¹ и Деметры,¹⁸²
Геи,¹⁸³ нам дающей хлеб! 685
Властных, огненных богинь¹⁸⁴
за собою приведи,
заступись за нашу землю,
защити нас! Ты бессмертный,
а бессмертным всё легко!

Эт.¹⁸⁵ Пускай сюда придёт Креонт, сын Менекея, 690
брат матери моей, царицы Иокасты!
Скажи, что о делах мне хочется домашних,
а также городских, спросить его совета,
пока не начат бой, не выровнены копья!
Но, впрочем, он отвёл от ног твоих работу 695
и к дому моему, я вижу, сам подходит!

КРЕОНТ

Я всё тут истоптал, тебя найти пытаюсь,
владыка Этеокл! Все Кадмовы ворота,

¹⁷⁶ Афина (Паллада) родилась из головы своего отца, Зевса. Таким образом, матери у неё нет.

¹⁷⁷ Ковач (с. 283): «Этот миф повествует о происхождении фиванской аристократии <...>. Воины, родившиеся из драконьих зубов, большей частью погибли в битве друг с другом, но некоторые выжили, чтобы породить лучших фиванских бойцов».

¹⁷⁸ Иó (ió) – возглас, значение которого зависит от ситуации. Это может быть крик религиозного экстаза, восклицание скорби, восторга и т.д.

¹⁷⁹ Фивы были созданы Кадмом и другими потомками Эпафа.

¹⁸⁰ Т.е. к Деметре и Персефоне обращаются сразу к обеим, их имена в молитвах стоят рядом.

¹⁸¹ Персефасса (Περσεφασσα) – одно из имён Персефоны (Περσεφόνη), богини плодородия и царства мёртвых, дочери Деметры и Зевса.

¹⁸² Демётра (Δημήτηρ, Мать-земля) – богиня плодородия, покровительница земледелия, одна из наиболее почитаемых богинь, отсюда эпитет «родной» или «любимый» (φίλα). Мать Персефоны.

¹⁸³ Гея (Γαία, Земля) – богиня-кормилица, здесь объединяется с Деметрой.

¹⁸⁴ Хор представляет, что Персефона и Деметра шествуют с факелами, как в торжественной религиозной процессии.

¹⁸⁵ Вся эта короткая речь Этеокла иногда удаляется как подложная. Этеокл обращается к одному из слуг.

Эт.	всю стражу обошёл, охотясь за тобою! И мне была нужда тебя, Креонт, увидеть!	700
Кр.	Я мирный договор нашёл весьма ущербным, когда поговорил душевно с Полиником. Я слышал, он умом над Фивами вознёсся, родством с Адрастом горд, на войско полагаясь. Однако мы должны богам всё предоставить, а я пришёл сказать о самом неотложном.	705
Эт.	А что произошло? Я ничего не слышал!	
Кр.	Поймать нам удалось аргивского солдата.	
Эт.	И что он рассказал? Что мы с тобой узнали?	
Кр.	Что войско аргивян решило город Кадмов немедля сжать в кольцо и окружить все башни. ¹⁸⁶	710
Эт.	Пора кадмейцам встать и выходить за стены!	
Кр.	Куда? Ты молодой, а так неважно видишь?	
Эт.	За ров мы побежим – и бросимся в атаку!	
Кр.	Нас мало у стены, а их не сосчитаешь.	715
Эт.	Я знаю! Те бойцы речами лишь бесстрашны!	
Кр.	Но эллины не зря повсюду славят Аргос!	
Эт.	Не надо! Я залью всё поле вражьей кровью!	
Кр.	Неплохо бы залить. Но это слишком трудно!	
Эт.	Не стану я томить соратников без дела!	720
Кр.	От разума успех в сражении зависит!	
Эт.	Угодно, чтобы я искал других решений?	
Кр.	Да, всех. А уж потом и царство на кон ставил!	
Эт.	Когда наступит ночь, заманим их в засаду?	
Кр.	Заманишь, а потом до дома доползёшь ли?	725
Эт.	Ночь служит храбрецам и ценит равноправье!	
Кр.	Легко в кромешной тьме на горе напороться.	
Эт.	А, может, нападём, когда за ужин сядут?	
Кр.	Врагов ты удивишь, а нам нужна победа.	
Эт.	И Дирка глубока, так просто не вернуться...	730
Кр.	Нет лучшего добра, чем осторожность в деле.	
Эт.	А если лагерь смять одним ударом конным?	
Кр.	Но враг вокруг себя поставил колесницы!	
Эт.	Каков же твой совет? Врагам оставить город?	
Кр.	Врагам? Да ни за что! Ты умный, так подумай!	735
Эт.	Какой же план мудрей? На чём остановиться?	
Кр.	Там семеро мужей, мне как-то говорили...	
Эт.	Какой у них приказ? Их что-то маловато!	
Кр.	...отряды подвели к семи воротам нашим.	
Эт.	Как быть? Я не хочу сидеть и ждать атаки!	740
Кр.	Ты тоже семерых определи к воротам.	
Эт.	Дать каждому отряд? Одних отправить в битву?	

¹⁸⁶ Обычно считается, что в этой реплике одна строка лишняя на основании некоторых неправильностей в самом тексте и ещё потому, что нарушается принцип стихомифии, т.е. вместо ожидаемой одной строки Креонт говорит две. Однако см. примечание Мастронарда (с. 353): «Некоторые критики девятнадцатого века считали оправданным приводить в порядок любую стихомифию, либо удаляя [текст], либо делая вывод о наличии лакуны. Более современные исследования обычно допускают, что существуют некоторые подлинные примеры отступления от правил, особенно в начале или конце эпизода [sequence]».

Кр.	Отряды им назначь, и выбери храбрейших.	
Эт.	Я понял, для чего! Чтоб защищали стены!	
Кр.	Но только сообща! Один всего не видит!	745
Эт.	Кого же выбирать? Отважных? Осторожных?	
Кр.	И тех, и тех возьми! Одно не без другого!	
Эт.	Добро! Как ты сказал, я обойду семь башен и у моих ворот расположу лохагов такое же число, с каким пришёл противник!	750
	Нет времени сейчас назвать их поимённо, ¹⁸⁷ когда у самых стен враги расположились! Пойду я, чтоб рука в бездействии не стыла! Я очень бы хотел найти родного брата, ¹⁸⁸ сразить его копьём в сражении открытом,	755
	вошедшего в мой дом захватчика повергнуть! А брак моей сестры, любимой Антигоны, и сына твоего, достойного Гемона, ты справишь всё равно, пусть даже я погибну!	
	Идя на смертный бой, я клятву подтверждаю!	760
	Брат матери моей, чего ещё добавить? Заботься о сестре в честь нашей общей крови! Отец мой заслужил название безумца, себя же ослепив, что я не одобряю!	
	Он всех нас, может быть, проклятьями погубит!	765
	Одно я упустил! Гадателя по птицам, Тиресия, спросить, не скажет ли какое пророчество для нас! Креонт, вели-ка сыну, которого зовут по деду Менекеем, сюда нам поскорей Тиресия доставить!	770
	Он радостно придёт поговорить с тобою, а на меня он зол, ведь я ругал когда-то перед его лицом искусство прорицанья. Прошу тебя, Креонт, и город умоляю! ¹⁸⁹	
	Когда мы победим, вы тело Полиника	775
	не смейте погребать в родной земле фиванской! Кто погребёт – умрёт, пусть и родня он брату! Вот речь моя тебе! А слугам я добавлю: несите поскорей оружие и доспехи, готовьте славный бой! Пускай мой труд копейный	780

¹⁸⁷ В оригинале – «ὄνομα δ' ἐκάστου διατριβῆ πολλῇ λέγειν», т.е. «назвать имя каждого (займёт) много времени» (дословный перевод). Против подлинности этого пассажа выдвигаются возражения на том основании, что сначала Этеокл жалуется на нехватку времени, а потом продолжает говорить ещё целую страницу. Однако имеется в виду, наверное, не столько называние семи имён (действительно, это заняло бы всего две-три строки), сколько обдумывание или обсуждение подходящих кандидатов, если понять слова Этеокла в несколько более широком смысле, что здесь и делается. Если же оставить в силе буквальное толкование, то и тогда Еврипид, говоря о нехватке времени, может пытаться передать напряжённость момента. Более того, Этеокл может сначала сказать, что у него нет времени, но потом забыть об этом при обсуждении серьёзных семейных проблем. В любом случае нет веских причин сомневаться в подлинности этих строк.

¹⁸⁸ Подлинность отрывка, начинающегося с этой строки и заканчивающегося словами «он погубит» (12 строк спустя), иногда подвергается сомнению.

¹⁸⁹ Эта строка и четыре последующие (до слов «а слугам я скажу») иногда объявляются подложными.

победу обретёт! За мною дело правды!¹⁹⁰
Теперь из всех богов нужней Предосторожность,
её я и молю спасти любимый город!

Хор   О, многотрудный Арес, почему же тебя так упорно
                 манят убийство и кровь? Что на Бромиев пир ты не ходишь?   785
                 В круге увенчанных дев, начинающих танец волшебный,
                 пряди волос распустив, ты под вздохи свирели не вторишь
                 музыке, дому Харит¹⁹¹ грациозных, изящных, прекрасных,
                 но копьеносных бойцов, аргивянскую рать посылаешь
                 Фивы мечом рассекать, танцевать не под звуки свирелей!   790
                 С тирсом¹⁹² не кружишься ты и не кутаешь тело в небриду,¹⁹³
                 но колесницы зовёшь, четверные копыта, уздечки!¹⁹⁴
                 Мчишься ты, горестный бог, по лазурным потокам исменским,
                 конницей воду дробя, род посеянный,¹⁹⁵ люд щитоносный   795
                 в лязге железных мечей насылая на бедных аргосцев!
                 Ты протянул вдоль стены, вдоль громады камней укреплённых,
                 рать, облечённую в медь! Как ужасна богиня Эрида!
                 Как Лабдакидов она окунает в бурлящее горе!¹⁹⁶   800

                 Священнолиственный дол, обиталище вольных животных!
                 Ты Артемидой любим, Киферон, распушившийся снегом!
                 Если бы только тобой не был выкормлен сын Иокасты,
                 плод нежеланный, Эдип, на погибель свою унесённый
                 с меткой булавок тугих, златобитных,¹⁹⁷ из милого дома!   805
                 Если бы девственный зверь не спустился с горы на столицу,
                 злая, крылатая Сфинкс, диким пенем противная Музам,¹⁹⁸
                 юных кадмейских парней в четырёх уносившая лапах¹⁹⁹
                 вдоль этих стен городских к неприступному свету эфира,
                 враг из Аидовой тьмы! Но другая беда расцветает!   810
                 Город объяла вражда сыновей горемыки Эдипа!
                 Злом не создастся добро! Навсегда, навсегда незаконны²⁰⁰
                 дети, творенье беды, преступление матери падшей,

¹⁹⁰ Подлинность этой строки подвергается сомнению.

¹⁹¹ Хариты (Χάριτες, «изящные, прелестные») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

¹⁹² Тирс – деревянный жезл, увитый плющом и виноградными листьями, сделан из стебля гигантского фенхеля, увенчанный шишкой пинии – атрибут древнегреческого бога рождающих сил природы и вина Диониса, а также его свиты, сатиров и менад.

¹⁹³ Небрида (νεβρίς) – шкура молодого оленя, которую носили вакханки на празднествах в честь Диониса.

¹⁹⁴ Эта строка (и отчасти предыдущая) плохо сохранилась, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

¹⁹⁵ В оригинале – «Σπάρτων γένναν», т.е. «род посеянных (воинов)» = фиванцы. Имеются в виду воины, выросшие из драконьих зубов, которые посеял Кадм.

¹⁹⁶ Эта строка иногда объявляется подложной.

¹⁹⁷ Здесь возникает противоречие с более ранним утверждением (во вступительной речи Иокасты), что пастухи «оставили младенца, || штыри железные вонзив ему в лодыжки». Хор, видимо, придерживается иного варианта легенды, согласно которому стопы младенца Эдипа были пронзены золочёными булавками. Возможно, впрочем, что имеются в виду украшения на самом ребёнке (см. Мастронард, с. 384-5).

¹⁹⁸ Сфинкс пела свою загадку, сочинённую метрическим стихом.

¹⁹⁹ Сфинкс требовала, чтобы ей отдавали в жертву фиванских юношей.

²⁰⁰ Эта строка и две последующие сильно испорчены, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

лёгшей с негодным отцом, с нею связанным общию кровью,
<в чреве носившей порок и в стенаньях рожавшей проклятье!>²⁰¹ 815

Ты же, Земля,²⁰² родила (я узнала, услышала дома
варварский этот рассказ) от лесного самца, звероеда
с гребнем багряным, тугим, от свирепого к людям дракона 820
племя оживших зубов,²⁰³ для фиванцев упрёк превосходный!²⁰⁴
Некогда боги сошли в дом Гармонии, вышедшей замуж,
с чистых, высоких небес. Амфион заиграл на форминге,²⁰⁵
стены сомкнулись кольцом, и восстали над Фивами башни,
там, на полоске земли, между рек-близнецов полноводных,²⁰⁶ 825
где зеленеющий дол Дирка поит водою обильной,
чтобы с Исменом сойтись.²⁰⁷ Здесь рогатая ваша прама-терь,²⁰⁸
ваша беглянка Ио учредила кадмейское царство,
род превосходных царей, приходящих на смену друг другу! 830
Город окреп и стоит под правлением их образцовым
прямо у кромки войны, отягчённый венками Ареса!²⁰⁹

ТИРЕСИЙ²¹⁰

Веди же, дочь, меня! Слепой моей стопе
ты – глаз, как морякам сияние созвездий! 835
Направь мой след сюда, где почва чуть ровней!
Иди, не дай упасть! Отец твой очень слабый!
Ты девственной рукой таблички сохрани,²¹¹
которые я взял, внимая крикам птичьим

²⁰¹ Этой строки нет в оригинале, она является моей реставрацией для сохранения соответствия строк между строфой и антистрофой.

²⁰² В этой строке повторяется слово «родила», которое не может быть сохранено из-за размера. Вариант перевода: «Некогда ты родила, родила, Земля». Такой вариант более точен, но «растягивает» размер. Если точное следование оригинальному размеру не является принципиальным (например, при постановке этой трагедии), то можно взять альтернативный вариант. Еврипид часто заставляет Хор повторять слова, создавая своеобразный эффект заклинания или эха, и это может звучать эффектно на сцене.

²⁰³ В оригинале – «γένναν ὀδοντοφυῆ», т.е. «племя, рождённое из зубов». Как мы помним, фиванцы произошли от зубов дракона, посеянных в землю Кадмом.

²⁰⁴ Ковач (с. 301): «Рождение от змеиных зубов может считаться упрёком в зверином происхождении, однако для Фив это источник гордости».

²⁰⁵ Форминга или фóрминга (φόρμιγγς) – древнегреческий струнный щипковый инструмент, считается древнейшим из семейства греческих лирообразных.

²⁰⁶ Пирсон (с. 141): «Две реки – это Дирка и Исмен, и здесь говорится просто, что Фивы лежат между ними».

²⁰⁷ Мастронард (с. 389): «После более-менее параллельного курса две реки сливаются на равнине к северу от Фив».

²⁰⁸ Ио (Ιώ) – дочь древнейшего аргивского царя, речного бога Инаха. Была возлюбленной Зевса, который превратил её в корову, чтобы избежать гневной ревности своей супруги Геры.

²⁰⁹ Значение последних трёх строк эпода не вполне ясно. Существуют противоположные толкования. См. обсуждение у Пирсона (с. 141-2) и Мастронарда (с. 389-90). «Венки Ареса» могут означать кольца врагов, сжавшие город, или же венки, заслуженные Фивами за прежние победы.

²¹⁰ Тиресий (Τειρεσίης) – слепой прорицатель в Фивах. По одной легенде, в юности Тиресий увидел обнажённой купавшуюся Афину и был ею за это лишён зрения. После Афина сжалилась над ним, но уже не могла отменить своего наказания и дала ему взамен дар прорицаний, так что ему стал понятен язык птиц.

²¹¹ В оригинале – «κλίτρος», т.е. «жребии», которые здесь переводятся как «таблички». Точно не известно, что имеется в виду, однако есть предположение, что это покрытые воском дощечки, на которых прорицатель пишет результаты своих наблюдений за полётом птиц (в данном случае, поскольку Тиресий слеп, он слушает, что «говорят» птицы). Этих дощечек у него накапливается много, и потом он вынимает те, которые ему необходимы в данной ситуации. См. обсуждение этого у Мастронарда (с. 394-5).

	замкнув его на ключ! Они вогнать сумели беднягу в гнев такой, что он изверг на них проклятий целый вал, страдая от позора! ²²² Я сделал всё, что мог! Я всё им объяснил, и ненавистен стал Эдиповым потомкам!	875
	Теперь же им, Креонт, погибнуть суждено, друг друга погубив! Падут на трупы трупы кадмейцев, аргивян, смешавшись в терпкий ком, и стоны полетят над всей землёй фиванской!	880
	Несчастный город наш! Ты тоже упадёшь, когда к моим словам вы слух не преклоните! Эдиповым сынам не велено судьбой ²²³ ни гражданами быть, ни царствовать на троне! В них демоны сидят, ²²⁴ губящие всех нас!	885
	Поскольку зло сильнее хорошего начала, нам путь один открыт, и он уводит в жизнь, однако мне о нём вещать весьма опасно, и горек путь для тех, кому велит судьба отчизне поднести спасительную чашу!	890
	Пойду-ка я! Прощай! Я жребий свой приму со всей моей страной! А что ещё мне делать?	895
Кр.	Повремени, старик! Тир. Меня не трогай лучше!	
Кр.	Постой! Чего бежишь? Тир. Не я – твой рок уходит!	
Кр.	Скажи, как нам спастись, и городу, и людям!	
Тир.	Ты хочешь всё узнать? А ты не пожалеешь?	
Кр.	Как можно не хотеть спасти свою отчизну?	900
Тир.	Действительно тебе не терпится услышать?	
Кр.	Чего ещё желать? К чему ещё стремиться?	
Тир.	Тогда мои слова пророческие слушай! ²²⁵ Но нужно мне сперва узнать определённо, где сын твой, Менекей, меня сюда приведший!	905
Кр.	Он тут, недалеко, стоит с тобою рядом.	
Тир.	Пушай он отойдёт от уст моих подальше!	
Кр.	Он сын мой, и молчать о слышанном сумеет.	
Тир.	Предпочитаешь ты, чтоб я сказал при сыне?	
Кр.	Он будет рад узнать, как нам в живых остаться!	910
Тир.	Ну, слушай о путях открытых мне видений! Ступив на этот путь, вы Кадмов град спасёте! ²²⁶ За город вам заклать придётся Менекея!	

²²² Пирсон (с. 144): «Согласно *Фиваиде* [трагедии Эсхила – В.], проклятие Эдипа было вызвано: (1) тем, что ему подали еду на серебряном столе, а питьё – в золотом кубке Кадма в нарушение его приказов; (2) что он получил в виде своей доли жертвоприношения бедренную часть, а не плечо животного». Многим современным читателям эти причины могут показаться слишком незначительными для того, чтобы проклинать своих сыновей, однако в древности подобные «мелочи» служили признаком более серьёзных проблем – в данном случае, потери уважения и чести.

²²³ Отрывок, начинающийся с этой строки и кончающийся словом «жизнь» (5 строк), иногда считается подложным.

²²⁴ Пирсон (с. 145): «Вера в одержимость бесами была более распространена [в Древней Греции – В.], чем прямо предполагается в литературе [того периода – В.]».

²²⁵ Эта строка иногда объявляется подложной.

²²⁶ Эта строка сохранилась в нескольких разночтениях и может быть подложной.

	Да, сына твоего! Ты сам свой рок накликал! ²²⁷	
Кр.	Ты что, старик! Очнись! Ты что такое мелешь?	915
Тир.	Сказал я всё, как есть. Ты должен это сделать!	
Кр.	В немногие слова так много зла вместилось!	
Тир.	Тебе и вправду зло, а родине спасенье!	
Кр.	Не слышал я тебя, не слушал! Гибни, город!	
Тир.	Наш воин сам не свой! Всё мужество утратил!	920
Кр.	Иди, старик, иди! Не нужно мне пророчеств!	
Тир.	А правда умерла, когда ты стал несчастным?	
Кр.	Коснусь твоих колен и седины почтенной...	
Тир.	Чего ты льнёшь? Смирись! Беда неотвратима!	
Кр.	Молчи! Не говори об этом горожанам!	925
Тир.	Нечестья просишь ты? Я рот свой не закрою!	
Кр.	Чего ты захотел? Чтоб я зарезал сына?	
Тир.	То городу решать, а я сказать обязан!	
Кр.	Как мальчику и мне такое зло досталось?	
Тир.	Ты верно поступил, потребовав ответа! ²²⁸	930
	В пещерах, где дракон, землёю порождённый, жил стражем чистых вод, вливающих в Дирку, пускай твой сын умрёт и даст напиться кровью Земле за древний гнев Арéса против Кадма, и сын Земли, дракон, получит возмещение! ²²⁹	935
	Тогда придёт Арес и точно вам поможет! Привяв же плод за плод ²³⁰ и кровью человеческой смывая кровь змеи, к нам станет благосклонной Земля, как урожай, нам спартов златошлемных взрастившая! Итак, погибель ждёт потомка людей, рождённых встарь от челюсти драконьей!	940
	Остался ты один из этих спартов древних! И мать твоя с отцом до капли чистокровны, и сыновья твои! Гемóна от закланья ²³¹	
	спасает брак его, ведь он уже не холост и, хоть не знал жены, но ходит обручённый.	945
	А вот жеребчик твой не связан, и за город он сможет умереть и край родной избавить! Он горестный возврат Адрасту и аргивцам доставит и зальёт глаза им чёрной скорбью к великой славе Фив! Бери судьбу любую из двух: пусть либо сын спасётся, либо город!	950
	Я всё тебе сказал! Пойдём отсюда, дочка! Веди меня домой! Напрасно мы гадаем	

²²⁷ Т.е. ты сам сказал, чтобы я вернулся и возвестил тебе моё пророчество, когда я уже уходил, не желая этого делать.

²²⁸ Эта строка иногда объявляется подложной.

²²⁹ Пирсон (с. 148): «Земля враждебна, потому что осквернена кровью убитого змея, своего детища и стража <...>. Междоусобный конфликт в Спарте был первым проявлением её [земли – В.] недовольства. Путём принесения в жертву потомка дракона яд первоначального кровопролития может быть смыт с земли, которая тогда вернётся к своим благим функциям кормления [kindly functions of nutrition]», т.е. к своей обычной благорасположенности кормилицы всех живых существ.

²³⁰ Т.е. твой плод, твоего сына, за свой плод, убитого дракона.

²³¹ Подлинность этой строки и двух последующих подвергается сомнению.

	на дымных алтарях! Несчастья возвещая,	955
	мы делаем врагов из тех, кому пророчим,	
	а если иногда и лжём из сострадания,	
	то лишь гневим богов! Пускай бы Феб единый	
	пел песни для людей! Богам никто не страшен!	
Хор ²³²	Креонт, что ты молчишь, ни слова не роняешь?	960
	Не менее, чем ты, я скована смятеньем!	
Кр.	А что слова ронять? Мне всё и так понятно.	
	Я никогда себе не поврежу настолько,	
	чтоб сына моего заклать за этот город.	
	Все люди таковы. Своих детей все любят,	965
	и собственную кровь никто не даст убийцам!	
	Не нужно мне хвалы, детей моих губящей!	
	Я сам уже достиг такой вершины жизни, ²³³	
	что умереть готов за родину охотно!	
	Давай, сынок! Беги, пока не знает город!	970
	Беги от этих злых, негодных прорицаний!	
	Скачи во весь опор, забудь про эту землю!	
	Старик про всё властям и полководцам скажет,	
	лохагов известит, пройдя к семи воротам! ²³⁴	
	Нам нужно поспешить! Мы прыткостью спасёмся!	975
	А если будем ждать, то нам конец обоим!	

МЕНЕКЕЙ

	Куда же мне бежать? В чей город? В чьё семейство?	
Кр.	Скорей покинь страну! Лети как можно дальше!	
Мен.	Твой труд – приказ давать, а мой – повиноваться!	
Кр.	Ты, Дельфы миновал... Мен. Куда, отец, направляюсь?	980
Кр.	...в Этолию скачи! Мен. Ну а потом, оттуда?	
Кр.	К теспротам уходи! ²³⁵ Мен. В святилище Додоны? ²³⁶	
Кр.	Вот именно, родной! Мен. Какая там защита?	
Кр.	На бога положишься! Мен. Но где найду я денег?	
Кр.	Я денег дам тебе! Мен. Ну что ж, отец, прекрасно!	985
	Ступай, а я схожу сестру твою проведать, ²³⁷	

²³² Помните, что при разговоре Хора с героями говорит не весь хор, но один лишь корифей.

²³³ Вариант: «предела этой жизни». В оригинале – «ἐν ὄραϊφ ἄρ ἔσταμεν βίου». Мне кажется, оба варианта перевода приемлемы, в зависимости от того, что нужно подчеркнуть – преклонный возраст Креонта, когда всё равно скоро придётся умереть, или же то, что Креонт достиг расцвета жизни, и теперь последует неизбежный упадок, которому всякий герой предпочтёт славную смерть.

²³⁴ Эта строка и предыдущая иногда подвергаются сомнению. Мастронард справедливо замечает (с. 424), что, хотя Тиресий и отказался хранить божественную волю в тайне, он всё-таки оставил выбор дальнейшего действия за Креонтом, попросив свою дочь отвести его домой. Креонт, однако, готовится к худшему развитию событий, не доверяя прорицателю. От себя добавлю, что не стоит ожидать логичных мыслей и поступков от потрясённого и перепуганного отца. Более того, в античной трагедии очень часто драматическая напряжённость момента предпочитается логике.

²³⁵ В оригинале – «Θεσπρωτὸν οὐδας», т.е. «в теспротийскую землю». Теспротίδα (Θεσπρωτίς) – прибрежная область в юго-западном Эпире. В древности была населена пеласгийским племенем теспротов.

²³⁶ Додона (Δωδώνη) – древнегреческий город в Эпире, неподалёку от современной Янины, который славился в античности оракулом при храме Зевса. Этот оракул считался самым ранним во всей Древней Греции. Прорицания разгадывались по шелесту листьев священного дуба.

²³⁷ Отрывок, начинающийся этой строкой и заканчивающийся словами «задержек нам не нужно» (5 строк), вызывает споры в смысле распределения реплик. Во многих изданиях весь этот отрывок произносит один

дававшую мне грудь благу Иокасту,
 когда родную мать ребёнком я утратил.²³⁸
 Я с ней поговорю, да и начну спасаться.
 Иди же, хорошо? К чему стоять и медлить?²³⁹ 990
 Вот, женщины! Легко я страх отца развеял,
 намерений своих ему не раскрывая!
 Меня он гонит прочь, как мерзостного труса,
 отечество губя! Ему простится это,
 ведь он уже старик, а где же мне прощенье,
 предателю страны, меня на свет родившей? 995
 Вы знайте! Я пойду! Спасу мою отчизну
 и душу положу за город мой любимый!
 Позор! Других бойцов оракулы не гонят
 и воля божества не принуждает к битве! 1000
 Они, сомкнув щиты,²⁴⁰ стоят, готовы к смерти,
 у башен городских, защитники отчизны,
 а я, предав отца, предав родного брата
 и город мой родной, сбегу, как трус последний,
 но где, в какой стране спасусь я от презренья? 1005
 Нет! Слушай, звёздный Зевс! И ты, Арес кровавый,
 который в этот край привёл могучих спартов,
 зашелестевших встарь над почвой плодородной!
 На стену я взойду, на самой кромке встану
 и заколю себя над логовищем чёрным 1010
 дракона, как о том поведал прорицатель,
 и землю испую! Довольно разговоров!
 Пошёл я смертный дар для города готовить,²⁴¹

Менекей (как и в нашем переводе). Однако существует и другое мнение, возникшее уже в Античности и поддержанное серьёзными аргументами. Мастронард (с. 425-6), например, считает странным как то, что Креонт уходит со сцены, не произнося заключительного слова, так и то, что юноша даёт указания своему отцу, что является грубым нарушением этикета. На это можно возразить, что Менекей, готовясь принести себя в жертву, находясь в состоянии аффекта, чувствуя себя отныне инструментом божественной воли, спасителем отечества, вполне может позабыть о приличиях и взять инициативу на себя. Более того, Еврипид нередко приносит этикет в жертву драматичности момента, не желая задерживать действие излишними подробностями. Впрочем, точка зрения, высказанная Мастронардом, тоже заслуживает внимания, поэтому приведём и альтернативный вариант перевода:

Кр. Я денег дам тебе. Мен. Ну что ж, отец, прекрасно.
 Кр. Ступай! Мен. Но я хочу сестру твою проведать,
 дававшую мне грудь когда-то, Иокасту,
 когда родную мать ребёнком я утратил.
 Я с ней поговорю, да и начну спасаться.
 Кр. Иди же, хорошо! К чему стоять и медлить?

²³⁸ Мать Менекея звали Эвридикой. Она была фиванской царицей и женой Креонта. Согласно еврипидовскому варианту мифа, умерла молодой.

²³⁹ Здесь Креонт уходит, а Менекей обращается к Хору.

²⁴⁰ Пирсон (с. 153): Еврипид «описывает боевой строй дорийцев, в котором каждый воин с правой стороны был покрыт щитом рядом стоящего».

²⁴¹ Подлинность этой строки, как и пяти последующих (до конца речи Менекея) подвергается сомнению. Во-первых, Менекей уже всё сказал и поставил точку в своей речи, а теперь вынужден продолжать говорить, не сообщая ничего принципиально нового. Во-вторых, текст написан довольно плохо и смысл его не вполне ясен. В защиту же этого отрывка можно сказать, что Еврипиду свойственно заканчивать драматические монологи морализаторской сентенцией, и общий настрой этих строк вполне соответствует стилю автора.

	и мой нескудный дар спасёт нас от проклятья! Когда бы каждый мог, по мере сил душевных заботясь о стране и здраво рассуждая, служить на благо всем, то в городах бы стало гораздо меньше зла, и мир достиг бы счастья!	1015
Хор	Ты явилась, ты явилась, дочь Земли в размахе крыльев, плод убийственной Ехидны, ²⁴² истреблять потомство Кадма, множа беды, множа стоны! Полудева, полульвица, ты крылом упругим плещешь, рвёшь когтями плоть сырую!	1020 1025
	С берегов лазурной Дирки ты парней когда-то крала, их маня безлирной песней! ²⁴³ Гнев Эринии в столицу привела ты, привела ты всем на гибель! Бог-убийца это бедствие устроил!	1030
	Горько матери рыдают, горько им невесты вторят в бездне комнат опустевших!	1035
	Крик надрывный, стон печальный, песня тягостных страданий здесь и там звучали громко за столичными вратами! Мчался плач, неслись рыдания, как раскаты громовые, вслед крылатой полудеве, бравшей юношей несчастных, уносившей их за стены!	1040
	Но пришёл боец пифийский, ²⁴⁴ богом посланный спаситель, наш Эдип многострадальный, одарил он Фивы счастьем, а потом несчастьем новым! Заклучил он брак позорный с матерью своей родимой, несчастливец, разгадавший непостижную загадку! Запятнал он город скверной,	1045 1050

Так что вопрос о том, написаны ли эти строки Еврипидом (и, вероятно, текст был испорчен при переписке) или же это – более поздняя вставка, остаётся открытым.

²⁴² Ехидна (Ἐχιδνα, «гадюка») – гигантская полуженщина-полузмея, хтоническое божество.

²⁴³ Считается, что так Еврипид называет загадку Сфинкса.

²⁴⁴ Пифия (Πῖθια) – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Т.е. Эдип послан Аполлоном, говорившим через Пифию.

в многокровное злодейство
 вверх детей своих, бедняга,
 необдуманном проклятьем!
 Но зато какая слава
 юноше, который гибель 1055
 за родную землю принял,
 оставляя плач Креонту,
 а семи великим башням
 принося венец победы!
 Нам таких детей родить бы, 1060
 обретая в них блаженство!
 Да, любимая Паллада!
 Камнем ты сразила змея,
 принуждая этим Кадма
 приступить к своей работе,²⁴⁵
 разорившей эту землю 1065
 демоническим проклятьем!

ВЕСТНИК

Привратники! Вы где? Есть кто-нибудь на страже?
 Откройте! Из дворца зовите Иокасту!
 Да слышите же вы! Что медлите? Живее!
 Послушай мой рассказ, жена и честь Эдипа!²⁴⁶ 1070
 Не жалуйся на жизнь! Уйми поток рыданий!
 Иок. Милейший! Ты пришёл не с горестной ли вестью,
 что умер Этеокл, с тобою щит смыкавший,
 лавине вражьих стрел дорогу преграждая?
 Ты что же мне принёс? Какое сообщенье?²⁴⁷ 1075
 Жив мальчик мой? Погиб? Ответь же поскорее!
 Вест. Он жив! Не трепещи! Я ужас твой развею!
 Иок. А башни-то стоят? Все семь? И стены целы?
 Вест. Весь город невредим! Не шелохнутся стены!
 Иок. А угрожал им крах от этих злых аргивцев? 1080
 Вест. Да, был такой момент, но наш Арёс кадмейский
 сумел преодолеть микенское оружие!
 Иок. Во имя всех богов! Скажи, что с Полиником?
 Одно хочу я знать: он смотрит ли на солнце?
 Вест. Живут и видят свет покамест оба сына! 1085
 Иок. Благодарю тебя! А как же вы аргивцев
 от осаждённых стен так ловко отразили?
 Скажи! Я брошусь в дом и старику слепому
 спасенье возвещу! Как рад он будет, бедный!
 Вест.²⁴⁸ Когда Креонтов сын, за город погибая, 1090
 на кромке башни встал, и меч с обмоткой чёрной
 вонзил себе в гортань, и этим спас отчизну,

²⁴⁵ Видимо, к закладыванию оснований Фив.

²⁴⁶ Эта строка и следующая иногда считаются подложными.

²⁴⁷ Скорее всего, эта строка – позднейшая вставка. Она прерывает ход мысли и некстати повторяет уже заданный ранее вопрос.

²⁴⁸ Пирсон (с. 158): «Эта превосходная речь является образцом сжатого и чёткого повествования.»

твой сын к семи вратам направил семь отрядов,
 лохагам приказав не упускать аргивцев,
 и конницу затем он конницей расширил, 1095
 а в свой гоплитский строй добавил щитоносцев,
 чтоб, если вдруг стена под натиском поддастся,
 хватило бы бойцов. А мы с надменных башен
 на белые щиты аргивские глядели,
 покрывшие Тевмес²⁴⁹ и, кромки рва достигнув,²⁵⁰ 1100
 поползшие волной в кадмейскую столицу!²⁵¹
 Пэан²⁵² и пенье труб слились в одно звучанье,
 летя из вражбых туч и с наших стен высоких!
 Неитские врата²⁵³ сначала брал отрядом,
 взъерошенным, как зверь, щитов щетиной плотной, 1105
 герой Парфенопей, охотницей рождённый,²⁵⁴
 блистающий щитом с потомственной эмблемой –
 там этолийский вепрь, убитый Аталантой
 потоком дальних стрел. А жертвенных животных
 вёз к Претовым вратам²⁵⁵ Амфиарай-провидец,²⁵⁶ 1110
 на колесницу встав, и щит его широкий
 не раздражал врагов кичливою эмблемой.
 У Огигийских врат²⁵⁷ Гиппомедонт отважный
 к нам щит свой повернул, где на эмблеме в центре,
 покрыт кругами глаз, Паноптес²⁵⁸ устремляет 1115
 одни из них к лучам созвездий восходящих,
 другими же следит за теми, что заходят,²⁵⁹
 но заблещают вновь, когда их страж погибнет.
 Сражался и Тидей у врат Гомолоидских,²⁶⁰
 и жёлтой шкурой льва, вздымающего гриву, 1120

²⁴⁹ Тевмес (Τεῦμης) – гора, находящаяся на расстоянии 8 км от Фив. Мастронард (с. 454): «Неизвестно, знал ли Евр[ипид] это расстояние и ожидал ли, что его знает аудитория». Не думаю, что Еврипида волновали такие нюансы.

²⁵⁰ Видимо, аргивяне использовали перекидные мосты.

²⁵¹ Подлинность этой строки подвергается сомнению.

²⁵² Пэан – гимн Аполлону.

²⁵³ Неитские врата находились в северо-западной части города. Их существование археологически доказано. С этой строки и до строки, заканчивающейся словами «условленный сигнал» (37 строк ниже), длится отрывок, в подлинности которого некоторые исследователи сомневаются.

²⁵⁴ Парфенопей (Παρθένοπαιός) родился в Аркадии. Матерью его была знаменитая охотница Аталанта.

²⁵⁵ Претовы врата были в восточной стене. Их существование тоже археологически доказано.

²⁵⁶ Действия Амфиарая не вполне понятны. Пирсон (с. 159) цитирует древнего комментатора, говорящего, что животные могли понадобиться для дальнейшего гадания. Мастронард (с. 461) считает, что мы имеем дело с небрежностью автора (либо самого Еврипида, либо редактора). Животные, безусловно, уже убиты. Возможно, их кровью очищалась земля, как бы подготавливавшаяся для битвы. Впрочем, подробности этого обряда неизвестны.

²⁵⁷ Известно, что у Огигийских (или Онкейских) врат находился алтарь Афины Онки (такое прозвище было у этой богини в Фивах). Онкой назывался городок в Беотии, где находился храм Афины.

²⁵⁸ Паноптес (Πανόπτης, «Всевидающий») – прозвище многоглазого великана Аргуса, убитого Гермесом.

²⁵⁹ Пирсон (с. 160): «Автор этих тёмных строк, вероятно, хочет сказать, что Аргус пользовался своими глазами в две смены, глядя одними днём, а другими ночью, и что при помощи некоего механического приспособления, устройство которого не объяснено, изображение на щите делало это всё понятным». Это «механическое устройство», однако, вполне объяснено и было у зрителей. Оно называлось воображением. Иногда это устройство встречается и в наши дни.

²⁶⁰ Эти врата названы по горе Гомола в Фессалии.

был щит его покрыт.²⁶¹ Держал он яркий факел,
 как Прометей-Титан,²⁶² чтоб уничтожить город.
 А сын твой Полиник подвёл к вратам Крнейским²⁶³
 Аресов страшный гнев, и на щите нёс образ
 потнийских кобылиц, порывисто бегущих.²⁶⁴ 1125
 Он изнутри щита их двигал рукояткой
 и ставил на дыбы с умением немалым.²⁶⁵
 Не меньше, чем Арес, алкая жаркой битвы,
 к Электриным вратам²⁶⁶ шли люди Капанея,
 отлит был на щите его железноспинном 1130
 гигант, дитя земли, взваливший целый город
 на мощное плечо, сломав опоры ломом,
 и щит нам говорил, что с городом случится!
 Адраст же у седьмых, последних врат сражался,
 и сотнею гадюк был щит его расписан, 1135
 он будто гидру сжал своей рукою левой,²⁶⁷
 знак славный аргивян!²⁶⁸ Гадюки с укреплений
 замками челюстей тащили род кадмейский.
 Успел я разглядеть всех воинов подробно,
 пока давал вождям сигнал договорённый. 1140
 Летели тучи стрел, мы дротики метали
 усилием ремней,²⁶⁹ и хлесткими пращами

²⁶¹ Мастронард (с. 465): «Львиная шкура могла быть настоящей шкурой, покрывавшей щит, а не изображением. Грива (и, возможно, болтающиеся лапы) производили бы угрожающий эффект, как и роскошные гривы на шлемах».

²⁶² Текст здесь не совсем ясен. Либо Прометей тоже изображён на щите Тидея рядом со львом, либо сам Тидей несёт в своей правой руке факел, уподобляясь тем самым Прометею. Я склоняюсь ко второму толкованию. Если лев был изображением, то на щите оставалось бы мало места ещё и для Прометея. Изображения были бы маленькими и мешали бы друг другу производить впечатление на врагов. Если же львиная шкура была настоящей, с гривой и лапами, то на ней было бы трудно изобразить Прометея. Впрочем, подобные нюансы могли мало интересовать античного трагика, поэтому предлагаю перевод и альтернативного толкования (слово «Титан» в него, правда, не умещается): «со вздутой гривой, и Прометеем, нёшим || в деснице факел свой, чтоб город сжечь дотла.» Прометей (Προμηθεύς) – один из самых знаменитых персонажей древнегреческой мифологии, титан, защитник людей от произвола богов, укравший для людей огонь.

²⁶³ Крнейские врата ещё называются Вратами источника, от слова «κρήνη» («источник»).

²⁶⁴ Главк Потнийский был царём Коринфа, сыном Зевса и плеяды Меропы. По одному из вариантов мифа, в насмешку над Афродитой он запретил спаривать своих кобылиц. Главк надеялся, что благодаря этому его кобылицы станут более резвыми и он победит на соревнованиях колесниц. Афродита обиделась и пожаловалась Зевсу, что Главк якобы кормит лошадей человеческим мясом. Когда Зевс разрешил ей сделать с Главком все, что она захочет, она вывела ночью его кобылиц, дала им напиток из своего священного колодца и пустила пощипать травы, которая вызывала бешенство. Стоило Главку запрячь своих кобылиц, как они понесли, перевернули колесницу и протасили его через весь стадион, а потом съели живьём. После смерти Главк был превращён богами в божество Тараксиппа, пугающее лошадей.

²⁶⁵ Щит был, видимо, оснащён неким механическим устройством.

²⁶⁶ Как и Претовы врата, они находились в восточной стене.

²⁶⁷ Подлинность этой строки иногда подвергается сомнению, на мой взгляд, без достаточно веских оснований (особенно если учесть, что подлинность всего этого отрывка ставится под вопрос). Имеется в виду Лернейская гидра – стоглавое чудовище, убитое Гераклом. Поскольку щит Адраста полностью покрыт изображениями змей, то издали кажется, что он несёт в руке не щит, но саму гидру. Это очень яркий образ, в высшей степени характерный для Еврипида, и является, как мне кажется, одним из доказательств того, что автором всего описания осады является именно Еврипид.

²⁶⁸ Мастронард (с. 470): «Гидра – знаменитая эмблема, с помощью которой аргивяне могут гордо провозглашать свою индивидуальность».

вздымали град камней, и видели победу,
 когда вдруг и Тидей, и сын твой закричали:
 «Данайские сыны! Пока ещё мы целы, 1145
 наляжем на врага! В атаку, колесницы,
 и конные бойцы, и храбрые гимнеты!²⁷⁰»
 Услышав этот крик, никто уже не медлил,
 и множество голов окрасилось багрянцем,
 и многих горожан сама бы ты видала, 1150
 летящих со стены, как прытких акробатов,
 чтоб кровью напоить рассохшуюся землю!
 Сын Аталанты там, аркадец, не аргивец,²⁷¹
 как смерч, качал врата, зовя огонь палящий,
 двузубые кирки! Он рвался город грабить, 1155
 но гнев его пресёк Периклимён, сын бога,
 властителя морей,²⁷² и камень с башни бросил,
 огромный, точно воз, на кудри золотые
 свирепого врага, и череп раскололся,
 и нежный винный цвет, животворивший щёки, 1160
 как пламя, заалел! Теперь уж дочь Менала,²⁷³
 держа свой дивный лук, не восхитится сыном!
 Увидев, что врата стоят надёжно, мчится
 к другим вратам твой сын,²⁷⁴ а я бегу поодаль
 и вижу, как Тидей и толща пехотинцев 1165
 на башни, меж зубцов, рой копий этолийских
 бросают мастерски, защитников снимая
 с вознёсшихся твердынь, но сын твой их сзывает,
 как ловчий – сильных псов, и ставит вновь у башен.
 И к остальным вратам рванулись мы, как только 1170
 ужасную беду от этих отвратили.
 Но как мне описать безумство Капанея?
 Он лестницу таскал, похожую на шею,
 протянутую ввысь, крича, что сам Зевесов 1175
 божественный огонь ему не помешает
 весь город сокрушить и выкорчевать башни!
 Кичился негодяй, от каменного ливня
 скрываясь под щитом, и, гладкие ступеньки
 ногами вымерял, на стену поднимаясь!
 Уже добрался он до выступа стенного, 1180
 а Зевс тут как метнёт извивистое пламя!
 Повсюду грохот, страх! И кубарем скатился

²⁶⁹ В оригинале – «μεσαγκύλοισ», т.е. мы сражались «месанкулами». Это ременная петля, позволявшая метать дротик намного дальше, чем просто рукой.

²⁷⁰ Гимнеты – легковооружённые пехотинцы.

²⁷¹ Имеется в виду ранее упоминавшийся Парфенопей.

²⁷² Периклимён (Περικλύμενος) – фиванский полководец, сын Посейдона.

²⁷³ Отцом Аталанты обычно считают либо Иасия, либо Схенея. Еврипид, однако, называет Менала. Это был старший сын аркадского царя Ликаона, подговоривший своих братьев накормить Зевса человеческим мясом, чтобы проверить, действительно ли он всеведущий. Погиб от молнии Зевса. Возможно, впрочем, что Еврипид имеет в виду гору в Аркадии, тоже называемую Менал (или Мэнал) (Μαίναλον), на которой Аталанта выросла и стала знаменитой охотницей.

²⁷⁴ Этеокл.

	с той лестницы герой, конечности ломая, ²⁷⁵ копной волос в Олимп, ²⁷⁶ а кровью в землю метя, круженьем рук и ног подобный Иксиону, ²⁷⁷	1185
	и стукнулся о прах смердящим, чёрным трупом! Адраст, едва узнав, что Зевс враждебен войску, немедленно за ров увёл своих аргосцев, а наши, видя знак благоприятный Зевса, рванулись из ворот – гоплиты, колесницы	1190
	и конные бойцы, врезаясь громким клином в аргивские войска! Все беды тут случились, всё сшиблось в гиблый ком! Низверглись колесницы, об ось дробилась ось, взметали пыль колёса, на труп валился труп кровоточащей грудой!	1195
	Сегодня удалось погибель наших башен бойцам предотвратить, но повезёт ли завтра и нам, и всей стране, то лишь на небе знают, страну ведь и сейчас какой-то бог избавил! ²⁷⁸	
Хор	Победа хороша, и если боги станут вам дальше помогать, я запою от счастья! ²⁷⁹	1200
Иок.	Да! Боги любят нас! Не отошла удача! И живы сыновья, и дом не развалился! Но только вот Креонт прегорького напитка испил из-за того, что я жила с Эдипом!	1205
	Он, сына потеряв, стал в городе великим, а дома у себя воистину несчастным! Что мальчики мои сейчас решили делать?	
Вест.	Зачем тебе? Оставь! И насладись везеньем!	
Иок.	Как странно ты сказал... Теперь я не отстану!	1210
Вест.	Живые сыновья! Чего ещё ты хочешь?	
Иок.	Услышать я хочу, что и меня ждёт радость!	
Вест.	Пусти меня! Твой сын один, без щитоносца! ²⁸⁰	
Иок.	Скрываешь ты беду, таишь её во мраке!	
Вест.	Зачем же отравлять хорошее недобрым?	1215
Иок.	Отсюда ты уйдёшь, лишь выпорхнув на небо!	
Вест.	Ай-ай! Ну почему меня ты непустила, лишь доброе узнав? Зачем ты горя просишь? Задумали сыны постыднейшее дело – друг с другом смертный бой, не вмешивая войско!	1220

²⁷⁵ Подлинность этой строки и двух последующих подвергается сомнению из-за экстравагантности сравнений, якобы престающих границы хорошего вкуса. Мне эти причины не кажутся вескими. Безумство Капанея привлекает к себе безумную, экстравагантную смерть. Пирсон (с. 166) считает, что, если мы удалим эти строки, то будем «мерять Евр[ипида] по слишком современному стандарту. Из того, что его [Еврипида – В.] стиль обычно сдержан, не следует, что он был всегда свободен от того, что мы приучены считать ошибками вкуса.»

²⁷⁶ Т.е. в небо. И Олимп, и небо считались жилищем богов.

²⁷⁷ Икси́он (Ἰξίων) – фессалийский царь, убийца и нечестивец. В наказание за свои преступления прикован в Тартаре к огненному колесу, вечно вертящемуся с невероятной быстротой.

²⁷⁸ Эта строка сохранилась только в одной рукописи и поэтому долгое время считалась подложной.

²⁷⁹ Смысл этих двух строк, произносимых корифеем, не вполне ясен. В переводе предлагается одна из возможных интерпретаций.

²⁸⁰ Из этих слов следует, что Вестник – один из телохранителей Этеокла.

Они сказали речь аргивцам и кадмейцам,²⁸¹
 которой бы совсем произносить не нужно!
 Так начал Этеокл, взойдя на гребень башни,
 обеим сторонам подав сигнал к молчанью:
 «Вы, эллины! Вожди! Великие данайцы, 1225
 пришедшие сюда так доблестно сражаться!
 И славный Кадмов род! Ни ради Полиника,
 ни ради прав моих вы не торгуйте жизнью!
 Опасность эту сам от вас я удаляю
 и брата моего зову на поединок! 1230
 Соперника убив, я буду царством править,
 а если смерть приму, то всё ему оставлю!
 Аргивские мужи! Довольно вам сражаться!
 Ступайте по домам и не рискуйте жизнью!
 Нам хватит за глаза уже убитых спартов!» 1235
 Так речь он завершил. А Полиник твой сразу
 из строя побежал и вызов брата принял.
 Издали ровный гул довольные аргивцы
 и кадмовы бойцы, считая дело правым.
 Тут мир был заключён, и, стоя между армий, 1240
 начальники клялись держаться договора.
 Эдиповы сыны, седого старца семя,
 уже оделись в медь, в искристые доспехи.
 Друзья им помогли: вождю державы этой –
 всех спартов лучший круг, другому – цвет данайцев. 1245
 Они блестят огнём, в лице не изменяясь,
 желанием горя друг в друга бросить копья!
 Обоих, подойдя, друзья приободряли
 потоком смелых слов, и так им говорили:
 «Ты должен, Полиник, дубовый идол Зевса²⁸² 1250
 поднять на страх врагам, и тем прославить Аргос!»
 А Этеоклу так: «За город свой ты бьёшься!
 Победу одержав, себе ты трон оставишь!»
 Такие вот слова их к битве понуждали.
 Жрецы влекли овец, их резали, глядели 1255
 в огонь, что там трещит, что плещет, означая
 беду, и предвещён какой из двух исходов
 короной на огне – победа или гибель.²⁸³
 Но если ты сильна и говорить умеешь,
 владеешь волшебством – иди, от горькой битвы 1260
 отговори парней! Опасность им огромна,
 награда же мерзка! Иначе будешь плакать,²⁸⁴
 обоих сыновей в единый день лишившись!

²⁸¹ Большой отрывок, начиная с этой строки и кончая словами «победа или гибель» (38 строк), иногда объявляется подложным.

²⁸² Это идол, обычно выточенный из дуба или просто символизировавшийся стволом дуба, который ставился в ознаменование победы над врагом.

²⁸³ Т.е. корона огня. Трещины, появляющиеся в языке пламени, а также его дрожь были плохой приметой. Толкование всего этого пассажа про гадание на огне является спорным. Подробное его обсуждение см. у Мастронарда (с. 496-9).

²⁸⁴ Эта строка и следующая считаются подложными.

Иок.	Дочь, выйди из дворца! Ты слышишь, Антигона? Не танцами теперь, не девичьим весельем ²⁸⁵ должна ты выполнять предназначенье божье, но доблестных мужчин, твоих родимых братьев, ты маме помоги спасти от верной смерти, чтоб им не умереть, не извести друг друга!	1265
Ан.	Ах, мамочка моя! Какой бедой неожиданной пугаешь ты семью у самой двери дома?	1270
Иок.	Ах, дочь! Уходит жизнь твоих любимых братьев!	
Ан.	О чём ты? Иок. Предстоит на копьях им сражаться!	
Ан.	Как, мамочка? Иок. Всё так! Всё плохо! Да пойдём же!	
Ан.	Из комнаты моей? Куда же? Иок. Прямо к войску!	1275
Ан.	Мне стыдно быть в толпе! Иок. Теперь не до приличий! ²⁸⁶	
Ан.	Что проку от меня? Иок. Ты ссору братьев кончишь!	
Ан.	Но как же, мама? Как? Иок. Со мной падёшь им в ноги!	
Ан.	Помчимся между войск! Быстрее же! Не медли! ²⁸⁷	
Иок.	Скорей! Скорей же, дочь! Поймав начало боя и копья удержав, ещё напьюсь я солнца! Помедлив, пропадём! Тогда и ты погибнешь, ²⁸⁸ и я умру с детьми, и рядом с ними лягу!	1280
Хор ²⁸⁹	Ай-ай! Ай-ай-ай! Я в страхе дрожу! Как сердце свело! Я вся пронзена сочувствием к ней! Злосчастная мать! Кто брата убьёт? Какой же из них? Как плохо-то мне! О, Гея! О, Зевс! Родная гортань, родная душа! Расколотый щит, журчащая кровь! Как тошно-то мне! Над кем из двоих я слёзы пролью?	1285 1290 1295
	Ах, Гея! Ах, Зевс! ²⁹⁰ Те двое зверей, те двое убийц ударят копьём, кровь мёртвых зальёт густую траву! Страдальцы мои! Зачем этот бой?	1300

²⁸⁵ Эта строка и четыре последующие (до конца реплики Иокасты) считаются подложными.

²⁸⁶ В те времена незамужним девушкам не полагалось выходить без особой необходимости из своих комнат, не говоря уже о том, чтобы отправляться к скоплению мужчин. Иокаста требует от своей дочери поистине грандиозного нарушения приличий. Для современников Еврипида эта сцена была гораздо более пронзительной, чем для нас, живущих в эмансипированном обществе.

²⁸⁷ Большинство рукописей отдаёт эту строку Антигоне, однако существует и мнение, что говорит Иокаста, потому что, во-первых, дочь не может обращаться к матери в таком приказном тоне и, во-вторых, последующие слова Иокасты («Скорей! Скорей же, дочь!») нелогичны, поскольку дочь и сама понуждает мать. Эти доводы не очень убедительны, потому что упускают из внимания драматическую напряжённость момента, когда люди могут действовать и говорить не так, как в спокойной ситуации. Более того, слова «веди меня» более подходят дочери, чем матери. Редакторы пытаются обойти проблему, утверждая, что Иокаста обращается к Вестнику, что кажется мне натяжкой.

²⁸⁸ Эта строка повторяет строку 976, поэтому её считают вставкой.

²⁸⁹ Мастронард (с. 504): «Как обычно бывает в трагедии, последний стасим самый короткий, в то время как действие движется к развязке».

²⁹⁰ В оригинале – «φεῦ δᾶ φεῦ δᾶ», что можно перевести как взывание либо к Гее (т.е. Земле), либо к Зевсу. Мнения на этот счёт расходятся. В переводе отражаются оба варианта.

	Я варварский крик, безудержный стон мой дар мертвецам, в слезах утоплю! Судьба подползла! Смерть рядом стоит! Рассудит вас меч! Безжалостный рок! Ужасная брань! Эриний налёт!	1305
	Я теперь Креонта вижу! Весь насупленный, угрюмый, ²⁹¹ прямо к дому он подходит! Я поэтому смолкаю! ²⁹²	
Кр.	И что же делать мне? Оплакивать пристало себя ли, город мой, туманом окружённый, как будто Ахеронт мы все пересекаем? ²⁹³ За родину мой сын отважился погибнуть, он славу заслужил, а мне принёс несчастье! Я только что ходил самоубийцу-сына снимать с драконьих круч вот этими руками! А дома плач стоит! Решил прийти я, старый, к сестре своей родной, старухе Иокасте, чтоб мёртвого помыть и как-то приукрасить. ²⁹⁴ Живущий человек заботой об умерших служение даёт подземному владыке. ²⁹⁵	1310 1320
Хор	Сестра твоя, Креонт, из дома отлучилась, а с нею заодно ушла и Антигона!	
Кр.	Куда же и зачем? Скажи мне, что тут было?	
Хор	Был слух, что сыновья на копьях станут биться, щиты свои сшибать, оспаривая царство!	1325
Кр.	Да что ты говоришь! Возлюбленного сына готовил я к земле и ничего не слышал!	
Хор	Отправилась давно сестра твоя, однако! Я думаю, Креонт, что сыновья Эдипа закончили уже свой смертный поединок!	1330
Кр.	Ах, боги! Ты права! Я вижу, так и стало! Вот вестник! Он поник, лицо его угрюмо, не светятся глаза! Сейчас он всё расскажет!	

ВТОРОЙ ВЕСТНИК

	Ах я бедный! Что скажу вам? Что за плач издам печальный? ²⁹⁶	1335
Хор	Всё! Конец! Такие речи не сулят большого счастья!	

²⁹¹ Весь нижеследующий отрывок, до слов «сейчас он всё расскажет» (27 строк), иногда объявляется подложным. Веских оснований для этого нет.

²⁹² Эти две строки написаны трохеическим тетраметром. Еврипид пользуется им для взволнованной, быстрой речи в девяти дошедших до нас трагедиях. В «Финикиянках» трохеический тетраметр появляется дважды. Всего лишь две строки, написанные этим размером – явление необычное.

²⁹³ Ахеронт (Αχέρων, «река скорби») – одна из рек подземного царства, через которую Харон перевозит души умерших.

²⁹⁴ В оригинале – «λοῦσθι προθήται τ'», т.е. «обмыть и выставить» (в смысле «выставить труп для погребения»). Из-за нежелательной многозначности слова «выставить» его пришлось заменить. Приготовление тела к погребению было обязанностью женщин – ближайших родственниц покойного.

²⁹⁵ Т.е. Аиду.

²⁹⁶ На этой строке возвращается трохеический тетраметр. Им написаны пять строк.

Вест.	Ах я бедный, повторяю! Я несу плохие вести!	
Кр.	В дополнение к известным! Что сказать ты собирался? ²⁹⁷	
Вест.	Сыновей твоей сестрицы нет уже, Креонт, на свете!	
Кр.	Ай-ай!	1340
	Ты о страшной беде мне и граду кричишь! ²⁹⁸	
	О ты, Эдипов дом! Ты слышал, что случилось, как двух твоих детей одна судьба настигла? ²⁹⁹	
Хор	Дом сам бы зарыдал, когда б он был разумным! ³⁰⁰	
Кр.	Какая беда! Злосчастнейший рок! ³⁰¹	1345
	Всё сумрачно во мне! Как страшно я страдаю! ³⁰²	
Вест.	Не знаешь ты ещё об остальных напастях!	
Кр.	Да разве может быть беда ещё ужасней?	
Вест.	Сестра твоя мертва! Ушла за сыновьями!	
Хор	Поднимем же плач горестный!	1350
	Ударим рукой голову, рукою своей белою!	
Кр.	Страдалица-сестра! Как верно Сфинкс напела конец и бытию, и браку, Иокаста!	
	Как двое сыновей Эдиповым проклятьем погибли в том бою? Рассказывай скорее!	1355
Вест.	Ты слышал про успех в сражении у башен. Извивы тех громад не так уж далеки, чтоб ты не смог узнать о том, как было дело. ³⁰³	
	Я дальше расскажу. Надев доспехов медь, вступили сыновья увядшего Эдипа	1360
	на свежую траву, меж выстроенных войск, два доблестных бойца, два дерзостных стратега, ³⁰⁴ готовые начать сражение копьём.	
	Встав к Аргосу лицом, так Полиник молился:	
	«О, Гера-госпожа! Теперь я твой слуга!	1365
	Я дочь Адраста взял! В твой город переехал! ³⁰⁵	
	Дай брата мне убить! Залей мою ладонь, разящую врагов, победоносной кровью!»	
	Так брата он менял на пакостный венец! ³⁰⁶	

²⁹⁷ Отрывок, начинающийся этой строкой и кончающийся словом «Иокаста» (16 строк ниже), иногда объявляется подложным.

²⁹⁸ Эта строка Креонта написана дохмием и поётся.

²⁹⁹ Одна из рукописей приписывает эту реплику корифею.

³⁰⁰ Здесь, может быть, игра смыслов: (1) если бы дом был разумным существом, то он бы зарыдал, услышав эту весть; (2) если бы в Эдиповом доме был разум (т.е. если бы представители этого рода не наделали таких трагических глупостей), то дом принял бы рыдать от раскаяния. Одна из рукописей приписывает эту строку Вестнику.

³⁰¹ Согласно другой традиции, эта строка принадлежит Хору, а предыдущая – корифею. Строка тоже написана дохмиями.

³⁰² Эта строка может быть подложной.

³⁰³ Эта строка иногда считается подложной.

³⁰⁴ Эта строка тавтологична и отвергается почти всеми комментаторами. В оригинале – «διςὸ ἄστρατῆρόν καὶ διὰ τὸ ἄστρατῆρα», т.е. «(меж) двух стратегов и пары военачальников». В переводе сделана попытка сделать эту строку более удобоваримой.

³⁰⁵ Матронард (с. 531) поддерживает мнение, что имеется в виду страна не Геры, но Адраста. В таком случае перевод будет следующим: «Я дочь Адраста взял! К нему я жить приехал!» Мне кажется, что Полиник обращается всё-таки к Гере, потому что он вряд ли стал бы предпочитать человека, обращаясь к богине. Впрочем, я оставляю решение за читателем.

У многих та мольба исторгла только слёзы, 1370
 переглянулись мы и опустили взор.
 А Этеокл на храм Паллады златощитной
 глядел и говорил: «Дочь Зевсова! Метни
 рукой моей копье, дающее победу,
 в грудь брата моего! Пошли мне торжество 1375
 и уничтожь врага, пришедшего нас грабить!»³⁰⁷
 Рыданьем залилась тирренская труба,³⁰⁸
 дающая сигнал к началу поединка,
 и братья понеслись друг друга убивать,
 свирепо скаля рты, как пара диких вепрей, 1380
 роняя белый снег с темнеющих бород!³⁰⁹
 Они трясли копьем, щитами заслонялись
 умело, чтобы сталь соскальзывала прочь,
 и, если глаз врага над кромкой появлялся,
 кололи в тот же миг, победу торопя. 1385
 Но в смотровую щель глаз прятался мгновенно,
 и выпады копья разили пустоту.
 Катился градом пот со зрителей сильнее,
 от страха за друзей, чем с бьющихся самих.³¹⁰
 Ногою Этеокл отпнул мешавший камень 1390
 и выставил её за самый край щита,
 и тут же Полиник, поймав удачный случай,
 метнулся и нанёс решительный удар.
 Аргивское копье насквозь пронзило голень,
 вскричали с торжеством данайские войска, 1395
 но Полиник открыл, когда рукою двигал,
 плечо, и старший брат вонзил ему копье,
 как мог сильнее, в грудь, отраду возвращая
 кадмейской стороне, ломая острие!³¹¹
 Оставшись без копья, тот отступил немного, 1400
 булыжник белый взял, метнул, копье врага
 сломал напополам! Аре́с теперь был равным,³¹²

³⁰⁶ Эта строка и две последующие иногда объявляются подложными.

³⁰⁷ Эта строка повторяет строку 756 (в переводе они выглядят по-разному), поэтому одна из них может быть подложной. Мастронард (с. 534) предпочитает эту, однако поддерживает мнение о том, что обе строки могут быть вставками.

³⁰⁸ По преданию, эту трубу изобрёл мудрец Тиррэн (Τυρρηνός), который, согласно некоторым вариантам мифа, был сыном Геракла. Погиб в море, которое было потом названо его именем. Тирренией древние греки называли Этрурию.

³⁰⁹ Нужно ли из этого делать вывод, что братья не надели шлемы, ведь под шлемами этих подробностей не было бы видно? Такое вряд ли возможно, поэтому, скорее всего, здесь мы опять имеем дело с драматической вольностью рассказчика.

³¹⁰ Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными.

³¹¹ Этот отрывок вызывает у комментаторов некоторые возражения. Кроме мелких проблем с грамматикой, возникает два вопроса: (1) если у Полиника открылось плечо, то каким образом Этеокл смог пронзить ему грудь; и (2) получив такую серьёзную рану, как смог Полиник сражаться дальше? На мой взгляд, упускаются из виду три обстоятельства: (1) что мы не наблюдаем за поединком сами, но получаем сведения из уст рассказчика, который может не передавать все подробности точно; (2) в состоянии аффекта даже серьёзно раненый человек способен продолжать поединок; и (3) не стоит требовать документальной точности от древней трагедии.

	и обе стороны остались без копья. Но, выхватив мечи, сжимая рукояти, они сошлись опять, щитами зазвенели, пошли чертить круги, друг друга ударяя!	1405
	Тут вспомнил Этеокл один приём, который он как-то разучил, гостя у фессалийцев. Сражаться перестав, он левою ногою слегка подался вспять, всё время наблюдая за животом врага, где впадинка темнела, и, правой вдруг шагнув, легко вонзил оружие и в пуп, и в позвонки одним ударом ловким, и бедный Полиник, живот согнув, дрожащий всем телом, рухнул ниц в обильных брызгах крови!	1410 1415
	Противник, посчитав, что одержал победу, на землю бросил меч и стал сдирать доспехи с лежащего врага, да так неосторожно, что погубил себя, ведь брат, ещё дышавший, ещё державший меч в падении печальном, его с усилием сжал и в печень Этеоклу вонзил, и тот упал, касаясь Полиника! И вот, кусая прах, лежат они бок о бок, два гибнущих царя, не поделивших царство!	1420
Хор	Как я скорблю, Эдип! Что за судьба такая!	1425
Вест.	Теперь, наверно, бог исполнил все проклятья! Однако же узнай и о дальнейших бедах! Ища своих детей, ужасно умиравших, несчастливая их мать, вбежавшая внезапно с их девушкой-сестрой порывистой стопою, ³¹³ увидев сыновей, смертельные их раны, вскричала: «Боже мой! Как поздно я, сыночки, явилась вам помочь!» На них поочерёдно валилась, говоря, что их кормила грудью, что их растила зря! Сестра стенала тоже: «Ах, братья вы мои! Вы и старушку-маму сгубили, и мой брак!» ³¹⁴ Уже едва дышавший, правитель Этеокл родную мать услышал, притронулся он к ней обмякшею рукою, ни звука не издав, одними лишь глазами, блестевшими от слёз, любовь к ней выражая. И Полиник, живой, сестру свою увидев при матери своей, сказал слова такие: «Всё, мама! Нам конец! Мне жаль тебя, родная, жаль милую сестру и гибнущего брата!	1430 1435
	Он стал моим врагом, но мы с ним общей крови! Вы, мама и сестра, меня похороните в отеческой земле, вы успокойте город,	1440 1445

³¹² Арес здесь является персонификацией поединка. Вариант без персонификации: «и бой теперь был равным».

³¹³ Эта строка иногда объявляется подложной.

³¹⁴ Поскольку Эдип отошёл от дел, по закону братья должны были устроить брак своей сестры.

	сердитый на меня, чтоб я обрёл хоть малость моей земли родной, утратив дом навечно!	1450
	Ты веки мне сомкни своей рукою, мама – он попытался сам ладонью материнской прикрыть себе глаза – прощайте! Всё темнеет...» И свой злосчастный дух тут оба испустили.	
	А мать их, увидав невиданное горе, в отчаянье пришла, меч мёртвого схватила и... Как найти слова? Мгновенно утопила в мякине горла сталь и пала, содрогаясь, на бедных сыновей, обняв тела руками!	1455
	Забегали бойцы. Все наши закричали, что в схватке победил мой доблестный хозяин, а те – что брат его. Твердили полководцы, один – что Полиник ударил брата первый, ³¹⁵ другой – что мертвецам не присуждают лавров!	1460
	От войска отошла тихонько Антигона, вскипала снова брань! По воле провиденья кадмейцы от щитов недалеко сидели, и мы тогда пошли на армию аргивцев, они же не смогли от нас оборониться!	1465
	Никто не устоял! Враги покрыли землю бегущею толпой! Хлестала кровь из трупов, попавших под копьё! Когда мы взяли поле, одни пошли тесать победный идол Зевсу, другие, сняв щиты с поверженных аргивцев, несли к себе домой оружие и доспехи, а прочие взялись, как Антигона, мёртвых по семьям разносить, чтоб каждый был оплакан.	1470
	Так бедствие страны закончилось прекрасно для многих горожан, для прочих же – несчастно! ³¹⁶	1475
Хор	Нам уже не по слухам известны беды этого дома! Мы видим трёх убитых, лежащих у входа во дворец, меж собой разделивших смерть и время скитаний во мраке!	1480
Ан.	Щёк я не скрыла, не спрятала локонов, пурпурных век и лица покрасневшего! Хоть мне и стыдно, но мне не до скромности, мчусь я бесстыдно, вакханка покойников, сбросив покров, обрамлявший мне волосы, и распуская одежду шафранную	1485 1490

³¹⁵ Эта строка и две последующие иногда объявляются подложными, в особенности упоминание Антигоны. Мастронард (с. 550-1) с этим не согласен. Мне тоже кажется, что Еврипиду нужно было объяснить, каким образом девушка уцелела в последующей бойне.

³¹⁶ Оригинал тоже заканчивается рифмованным двустипением – редкое явление: «πόλει δ' ἄγῶνες οἱ μὲν εὐτυχέστατοι || τῆδ' ἐξέβησαν, οἱ δὲ δυστυχέστατοι». Хотя рифмы, в привычном для нас понимании, античные авторы не знали, иногда, например, в трагедиях Еврипида, у них появляется намеренная переключка слов.

перед процессией, с громкими стонами!
 Горе-то! Горе-то!
 Ах, Полиник мой! Ты назван так правильно!³¹⁷
 Фивы несчастные!
 Спор твой – не спор, но лишь кровь многокровая! 1495
 Дом ты Эдипов разрушил враждебностью,
 бойней ужасною,
 сечей жестокою!
 Как мне залиться согласными криками,
 песнею, будто бы созданной музами,
 слёзы к слезам призывая на родину,
 в дом драгоценнейший, 1500
 мёртвых неся,³¹⁸ всех троих моих родичей,
 маму и братьев, на радость Эринии,
 прежде уже дом Эдипов разрушившей,
 в день, когда понял он 1505
 гибким умом суть загадки запутанной³¹⁹
 Сфинкса, на гибель певичы безжалостной!

Горе моё!
 Эллинка ли, варварка ли,
 древних семей знатная дочь, 1510
 кто так страдал, кто претерпел,
 стоя в крови бойни людской,
 столько невзгод, столько скорбей?
 Слёзы бурлят, брызжут из глаз!
 Кто там поёт в нежной листве,
 трелью будя дуб или ель, 1515
 вторя словам скорбной души?
 Как ей не петь, мать потеряв?³²⁰
 Жалобный стон я издаю,
 плачу о них, близких моих,
 буду всю жизнь таять в слезах, 1520
 криком кричать!³²¹
 И на кого мне возложить
 локон тугой, первый мой дар?³²² 1525
 Может, на мать? Между грудей,³²³
 давших мне жизнь и молоко?
 Или отдать жертву мою
 братьям родным, хладным телам?

³¹⁷ Напомню читателю, что имя «Полиник» означает дословно «многобренный» или «склонный ко многим вражде».

³¹⁸ Разумеется, Антигона не сама несёт мёртвых. Это делают слуги, но поскольку она возглавляет процессию, то и получается, что она как бы делает всё сама. В таком же смысле говорится, например, что такой-то царь построил такой-то дворец, хотя сам царь ничего, конечно, не строил.

³¹⁹ Эта строка сохранилась в нескольких разночтениях. Перевод следует одной из версий.

³²⁰ Части этого предложения плохо сохранились, поэтому смысл не до конца ясен.

³²¹ Считается, что эта строка – поздняя вставка.

³²² Перед началом жертвоприношения со лба животного срезался локон, который сжигали на алтаре.

³²³ Эта строка и следующая плохо сохранились, и существуют разные их толкования.

	О-то-то-той! ³²⁴ Быстро покинь дом свой во тьме полых глазниц, дряхлый отец, бедный Эдип, кару судьбы нам покажи! Горестной тьмой стиснув зрачки, всё ты влачишь тягостный век! Слышишь меня, дряхлой стопой меряя двор или в постель грузно валясь, мой дорогой?	1530 1535
ЭДИП	Что ты слепца, поводящего посохом, дочь, вызываешь на солнце напрасное? ³²⁵ В спальне я был, на постели заплаканной! Вышел я, слыша твой плач нескончаемый! Дух я седой, из эфира изваянный, сон легкокрылый, покойник закопанный!	1540 1545
Ан.	Вести, отец, ты узнаешь несчастные! Дети ³²⁶ твои не под солнцем сверкающим! Нет и жены, так прилежно трудившейся, посохом став для слепца заплутавшего! Бедный отец мой!	1550
Эд.	Горе какое! Наплачусь я досыта! Что за судьба три души уничтожила, солнца лишила? Рассказывай, доченька!	
Ан.	Без порицанья, злорадства не ведая, с болью скажу я, что демон твой мстительный ³²⁷ грудой мечей, пожигающим пламенем вышел твоих сыновей выкорчёвывать! Бедный отец мой!	1555
Эд.	Горе мне, горе! Ан. Что стонешь так тягостно? ³²⁸	1560
Эд.	Дети мои! Ан. Как ужасно ты мучишься! Если бы видел ты солнце, летящее на четверной колеснице, ³²⁹ и если бы светом очей ты окинул покойников... ³³⁰	
Эд.	Ясно мне зло, сыновей погубившее! Ну а жена? Ты рассказывай, доченька, как умирала жена ненаглядная?	1565

³²⁴ В оригинале – «ὄτοτοτοῖ». Это восклицание встречается иногда у Еврипида. В переводе было решено сохранить его, однако читатель может заменить его на что-нибудь более привычное, например, «Боже ты мой!»

³²⁵ Мастронард (с. 580): «Эдип представлен призрачным существом или демоническим привидением как этой фразой, так и другими оборотами в этом отрывке».

³²⁶ Антигона так и говорит: «дети» («τέκνα»), а не «сыновья». Она, как женщина, не имеет значения для продолжения рода Эдипа, поэтому факт её выживания неважен. То же самое касается её сестры Исмены.

³²⁷ Имеется в виду один из духов-мстителей (ἄλυστορ), живущих в Аиде и наказывающих злодеев.

³²⁸ Антигона, видимо, хочет сказать: «Чего ты стонешь, разве ты не знал, что рано или поздно это случится?»

³²⁹ Бог Солнца, Гелиос, объезжает небосвод на колеснице, запряжённой четырьмя конями.

³³⁰ В некоторых изданиях здесь ставят знак вопроса, однако он отсутствует в рукописях. Вероятно, Эдип здесь перебивает Антигону. В переводе принята эта версия, как не требующая никаких добавлений.

	как светлый Аполлон сказал седому Лаю, что я его убью! Ах, бедный я, несчастный!	
	Едва я начал жить, мой собственный родитель решил меня убить, соперником считая,	1600
	губителем своим! Он мальчика грудного, как жалкую еду, зверям скормить задумал!	
	Меня тогда спасли! Зачем в бездонный Тартар, во тьму весь Киферон тогда не провалился?	1605
	Меня он пощадил, ³³⁶ и я по воле рока в Полибов дом попал, на рабскую работу! ³³⁷	
	Потом, убив отца, скиталец горемычный, я с матерью моей возлѣг многострадальной	
	и братьев-сыновей родил и уничтожил, своим же сыновьям вернув проклятья Лая!	1610
	Но я ведь не совсем лишился здоровой мысли, чтоб и мои глаза, и сыновей любимых	
	угробить без руки какого-нибудь бога!	
	И что же мне теперь, злосчастному, поделать? Слепой моей стопе кто станет провожатым?	1615
	Умершая жена? Живой она пошла бы!	
	Два сына-храбреца? Их нет уже со мною!	
	Но разве я так юн, что сам сумею выжить?	
	И как? Зачем, Креонт, меня ты убиваешь?	1620
	А ты меня убьѣшь, прогнав из государства!	
	Но я не обхвачу в мольбе твои колени, не уроню себя, и знатности минувшей	
	трусливо не предам, пусть мне теперь и плохо!	
Кр.	Прекрасные слова! Колен ты не обхватишь, а я не допущу, чтоб жил ты в этом царстве!	1625
	Теперь о мертвецах. Вот этого нам нужно поднять и в дом нести, а вон того, который	
	захватчиков привѣл в наш город, Полиника, за городской чертой, без погребенья бросьте!	1630
	И объявите всем кадмейским горожанам: любой, кто мертвеца гирляндами украсит,	
	кто погребѣт его, получит смерть в награду!	
	Без слѣз, без похорон пускай он птиц накормит!	
	А ты тройной свой плач закончи, Антигона, ступай обратно в дом, и в девичьих покоях	1635
	сиди себе и жди, когда твой день наступит и замуж ты пойдѣшь за моего Гемона!	
Ан.	Отец, в какой ночи мы, бедные, погрязли! Я плачу по тебе сильнее, чем по мѣртвым!	1640
	Не мучаешься ты тут меньше, там сильнее,	

³³⁶ Имеется в виду гора Киферон. Античные критики ругали Еврипида за то, что Эдип у него прокликает ни в чём не повинную гору, когда было бы разумней проклясть пастухов, которые нашли его, или жену Полибия (см. Мастронард, с. 602).

³³⁷ Это предложение плохо сохранилось, поэтому перевод может быть приблизительным. Пирсон (с. 196): «Здесь опять серьёзные просчёты. Полибий не обращался с Эдипом, как с рабом, но воспитал его своим наследником».

	но полностью, отец, ты бедствием охвачен! Хочу тебя спросить, властитель новодельный! Отца ты моего зачем теснишь и гонишь, законы создаёшь над трупом горемычным? ³³⁸	1645
Кр.	Решил так Этеокл, без моего участия!	
Ан.	Один глупец решил, другой же выполняет!	
Кр.	А разве это зло – приказ царя исполнить? ³³⁹	
Ан.	Но только не дурной, не безрассудно данный!	
Кр.	Не благо ли скормить предателя собакам?	1650
Ан.	Приказ тот очень плох, преступен, беззаконен!	
Кр.	Твой брат был нам врагом, пускай и не с рожденья!	
Ан.	Неужто он уже судьбою не наказан?	
Кр.	Он будет награждён и смертью без могилы! ³⁴⁰	
Ан.	Преступно ли просить кусок земли родимой?	1655
Кр.	А никакой земли покойник не получит!	
Ан.	Я брата погребу! Мне город не указчик! ³⁴¹	
Кр.	Тогда уж и себе нарой могилу рядом!	
Ан.	И будет мирный сон родным сестре и брату!	
Кр.	Эй, вы! Схватить её и отвести в покои! ³⁴²	1660
Ан.	Не смейте! Руки прочь! Я брата не оставлю!	
Кр.	Ты, девушка, молчи! Судьба не так решила!	
Ан.	Но было решено и не бесчестить мёртвых!	
Кр.	Никто на мертвеца не бросит влажной глины!	
Ан.	Одумайся, Креонт! Во имя Иокасты!	1665
Кр.	Напрасно ты кричишь! По-твоему не будет!	
Ан.	Позволь хотя бы мне омыть водою тело! ³⁴³	
Кр.	Нет! Я не разрешу такое горожанам!	
Ан.	Позволь перевязать зияющие раны! ³⁴⁴	

³³⁸ Удачное слово «горемычным» («*ταλαιπώρον*») заимствовано из перевода Анненского.

³³⁹ Креонт здесь явно превышает свои полномочия. Он не только незаконно объявил себя царём, но и прогоняет Эдипа на основании несуществующего приказа. На самом деле, он, во-первых, боится, что проклятие, тяготеющее над Эдипом, как-то повлияет и на его власть, а, во-вторых, не может простить всему Эдипову роду смерть своего сына, Менекея (хотя Антигона нужна ему для обоснования захвата престола).

³⁴⁰ Для древнего грека отсутствие погребения и соответствующих обрядов было одним из самых страшных наказаний. Считалось, что душа непогребённого не сможет найти себе покоя и будет вечно блуждать между мирами. В тех случаях, когда тело нельзя было обрести, покойнику приготавливалась пустая могила, так называемый «кенотаф», и проводился, если это было возможно, погребальный обряд.

³⁴¹ Мастронард (с. 616): «Эти слова усиливают решимость Антигоны, потому что приписывают большую власть Креонту и создают образ противостояния одной Антигоны всем другим. Ан<тигона> Соф<окла> на протяжении большей части пьесы считает приказ Креонта его личным [приказом] и не пользующимся общественной поддержкой, хотя Креонт и возвеличивает свою позицию, заявляя о том, что он представляет собой государство».

³⁴² Обращение к слугам. Видя решительность Антигоны, которой он явно не ожидал от слабой девушки, Креонт прибегает к силе. Он не может допустить погребения Полиника по трём причинам: (1) если в самом начале его авторитет будет подорван, к тому же девушкой, народ не будет уважать его; (2) если Антигона погребёт Полиника, то придётся её убить, а это может вызвать недовольство и даже сопротивление в народе, что тоже плохо для ещё не укреплённой власти; и (3) смерть Антигоны сделает невозможным её брак с Гемоном и, следовательно, притязания Креонта на власть лишатся своей и без того шаткой основы.

³⁴³ В оригинале интересное выражение – «*λουτρά περιβαλέϊν*», которое можно перевести дословно как «облечь водами» или «набросить воды (на тело)».

³⁴⁴ Она просит этого не для Полиника (которому, конечно, это уже не поможет), но для себя. Мастронард (с. 618): «Перевязка ужасных ран не будет иметь никакого ритуального значения, однако это, по крайней мере, послужит утешением для неё самой». Она, таким образом, хоть что-то сделает для брата.

Кр.	Нет! Мёртвому нельзя оказывать почтение!	1670
Ан.	Тебя, любимый брат, я в губы поцелую!	
Кр.	Нет! Этим на свой брак накличешь ты несчастье!	
Ан.	Выходит, я живу единственно для брака?	
Кр.	За сына ты пойдёшь! Тебе не отвертеться!	
Ан.	Одной из Данаид я стану ночью брачной! ³⁴⁵	1675
Кр.	Смотрите на неё! Дерзит и не боится!	
Ан.	Свидетелем зову вот этот меч железный! ³⁴⁶	
Кр.	Зачем ты жениха так злобно отвергаешь?	
Ан.	С измученным отцом отправлюсь я в изгнание!	
Кр.	Ты благородна, да! Но и глупа немного!	1680
Ан.	Погибну я с отцом, узнай теперь и это!	
Кр.	Ты сына не убьёшь! Иди! Покинь мой город! ³⁴⁷	
Эд.	Ах, доченька моя! Заботливое сердце!	
Ан.	На что мне брак, отец? Чтоб ты один скитался?	
Эд.	Будь счастлива, дитя! Я сам с несчастьем справлюсь!	1685
Ан.	Кто будет, мой родной, с тобой слепым возиться?	
Эд.	Где выберет судьба, там и свалюсь на землю!	
Ан.	Таков ли наш Эдип, разгадыватель тайны? ³⁴⁸	
Эд.	Я кончен! В тот же день и воспарил, и рухнул! ³⁴⁹	
Ан.	Я разве не должна делить с тобой невзгоды?	1690
Эд.	Позорно, чтобы дочь с отцом слепым скиталась! ³⁵⁰	
Ан.	Когда она умна, то это благородно!	
Эд.	Я к матери твоей притронуться хотел бы.	
Ан.	Касайся же руки любимейшей старухи! ³⁵¹	
Эд.	Ах, мама! Ах, жена! Как ты была несчастна!	1695
Ан.	Бедняжечка лежит! На ней все беды сразу!	
Эд.	Где мёртвый Этеокл? Где Полиник погибший?	
Ан.	Страдальцы на земле, один вблизи другого!	
Эд.	Рукой моей слепой до бедных лиц дотронься!	
Ан.	Конечно! Прикоснись к своим умершим детям!	1700
Эд.	Злосчастного отца злосчастные создания!	
Ан.	Мой брат! Мой Полиник! Возлюбленное имя!	
Эд.	Как Локсий мне сказал, так всё оно и будет!	
Ан.	А что? Ты говоришь про новое несчастье?	
Эд.	Что нищим шатуном в Афинах я скончаюсь!	1705
Ан.	В какую же пойдёшь аттийскую твердыню?	

³⁴⁵ Антигона намекает на то, что она прирежет Гемона в брачную ночь. Данаиды (Δαναΐδες) – пятьдесят дочерей ливийского царя Дана, которые (кроме одной) убили своих мужей в первую брачную ночь. Тем самым Данаиды хотели спасти своего отца, которому было предсказание, что он погибнет от руки зятя. Так оно и получилось. Единственный выживший зять и стал его убийцей.

³⁴⁶ Мастронард (с. 620): «Вероятно, Ант<игона> всё ещё стоит на коленях около тела Полиника и кладёт руку на его меч». Пирсон (с. 202): «Несомненно, здесь актёр поднимал меч Полиника».

³⁴⁷ Креонту остаётся единственный выход – прикрыть свою слабость заботой о сыне.

³⁴⁸ Дословно: «Но где тогда Эдип и знаменитая загадка (мн. ч.)»? Антигона пытается напомнить отцу о его славном прошлом и воодушевить его.

³⁴⁹ Т.е. день его славы, когда он разгадал загадку Сфинкса и стал царём, одновременно стал днём, с которого началось его низложение.

³⁵⁰ Т.е., как поясняет Мастронард (с. 624): «Незамужней девушке не следует бродить на людях».

³⁵¹ В оригинале – «γυραῖς φίλτάτης». Немного странно, что Антигона так называет свою мать. Вариант перевода, по комментарию Мастронарда: «Да-да! Коснись щеки, которую так любишь!»

Эд.	В священнейший Колон, ³⁵² где конный бог ³⁵³ владычит! Однако нам пора! И если ты желаешь изгнание разделить, служи отцу слепому!	
Ан.	Позор изгнания! Руку дай, старик-отец! Я тут, с тобой, как с парусами ветерок!	1710
Эд.	Гляди! Иду я, дочь! А ты мне стань тоскующим проводником!	1715
Ан.	Я стала им! Я стала им! Я всех несчастьем превзошла, всех девушек из гордых Фив!	
Эд.	Где дряхлую ступнёй шагнуть? Куда мне посох, дочь, нести?	
Ан.	Сюда иди! Сюда иди! Сюда вставай! Сюда ступай! Отец! Бессилен ты, как сон!	1720
Эд.	Беда! Тоска! ³⁵⁴ Придётся мне забыть о доме, старику! Ах, боги! Что же я терплю!	1725
Ан.	А что терпеть? Людской закон щадит злодеев и глупцов! ³⁵⁵	
Эд.	Ведь это я был вознесён победным гимном к небесам, загадку девы разгадав, звериный замысел раскрыв!	1730
Ан.	Ты снова Сфинкса обвинять? А вспомни, как ты славно жил и что за беды впереди! Вдали от родины, отец, ты дух испустишь на земле!	1735
Эд.	Пускай же горькие ручьи струятся по щекам подруг! Я покидаю край родной, преодолев девичий стыд!	
Эд.	Как ты разумна и чиста! ³⁵⁶	1740
Ан.	Я в злополучиях отца навекы славу обрету!	

³⁵² Колон (Κολωνός) – один из демов (территориальных округов) древних Афин. Существует и ныне в качестве одного из районов сильно разросшегося города. О том, что случилось там с Эдипом, читайте в прекрасной трагедии Софокла «Эдип в Колоне».

³⁵³ Посейдон, одним из священных животных которого был конь.

³⁵⁴ В оригинале восклицание горя – «ὦ ἰὼ ἰὼ». Более буквальный вариант перевода: «Увы! Увы!». То же самое повторяется через строку.

³⁵⁵ Смысл этих двух строк не вполне понятен. Кажется, Антигона хочет сказать, что Эдипу нет смысла стонать о том, что он терпит несправедливость, потому что он не добьётся этим никакого результата – никакой закон (в оригинале закон персонифицирован) не встанет на его защиту. Закон не карает людей за то, что они совершают глупые, бессмысленные поступки (она имеет в виду Креонта, изгнавшего Эдипа без серьёзного на то основания).

³⁵⁶ В одной рукописи эта строка отдаётся Антигоне, и некоторые редакторы соглашаются с этим.

	Отец, мне горек твой позор! Поруган мой любимый брат, бездомен и непогребён! Отец! Пускай меня убьют, но будет он лежать в земле, покрыт холодной чернотой!	1745
Эд.	Ты помолился у алтарей! ³⁵⁷ Своим подругам покажись!	1749 1747
Ан.	Довольно им уже моих и слёз, и ежечасных бед!	1748 1750
Эд.	Идём же к Бромииу, в чертог нехоженный! К менадам гор!	
Ан.	Уже носила я, отец, наряд кадмейский на горах! Семеле радостно служа, вела в небриде хоровод! Какой неблагодарный труд!	1755
Эд.	Граждане отчизны славной! Посмотрите на Эдипа! Вот он, гений, разгадавший знаменитую загадку! Я, пресёкший в одиночку изуверства девы-Сфинкса, ухожу теперь в изгнание, обесчещенный и жалкий! Но зачем стенать мне горько? Для чего скорбеть напрасно? Нам терпеть необходимо всё, что послано богами!	1760
Хор	О, великая, славная Ника, окрыли мою жизнь и венки мне вручай непременно! ³⁵⁸	1765

Москва– Брисбен, 11.01.2016-21.04.2017

Полная переработка: 10.11.2020–09.12.2020, Брисбен

Шлифовки текста: 04–17.11.2021; 15-19.10.2023; 30.12.2023 Брисбен

---

³⁵⁷ Смысл этой строки, а также трёх последующих не вполне ясен. Возможно также, что нарушен их порядок. Перевод следует порядку, который предлагает Диггл, но есть и другие варианты. Наверное, Эдип хочет, чтобы Антигона пошла и попрощалась либо с Хором, либо со своими подругами (в оригинале – «сверстницами»). Антигона отказывается и предлагает уходить немедленно, видимо, боясь, что Креонт передумает её отпускать.

³⁵⁸ Эти заключительные строки Хора, написанные и переведённые анапестом, встречаются также в трагедиях Еврипида «Ифигения в Тавриде», «Орест» и «Ипполит» (в случае с последним – не во всех рукописях).